

Ольга Шевчук

МАНУСКРИПТ БАБУШКИ СВЕТЛАНЫ

Ольга Шевчук

Манускрипт бабушки Светланы

«У Никитских ворот»

2026

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Шевчук О. В.

Манускрипт бабушки Светланы / О. В. Шевчук — «У Никитских
ворот», 2026

ISBN 978-5-00246-606-1

Действие романа происходит то в Древнем Египте, то в современной России. Две мощные противоборствующие организации ищут древний манускрипт, случайно попавший из Египта в Россию. В этом документе содержится таинственная методика, о которой было мало что известно, но ходили слухи, что, овладев ею, можно будет управлять миром, подчинив себе всё человечество. Но это была ещё не вся информация об искомом свитке... Между враждующими кланами начинается борьба за обладание ценной вещью. Однако секретный документ надо было ещё не только найти, но и суметь прочесть текст, написанный на очень древнем египетском языке.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00246-606-1

© Шевчук О. В., 2026
© У Никитских ворот, 2026

Содержание

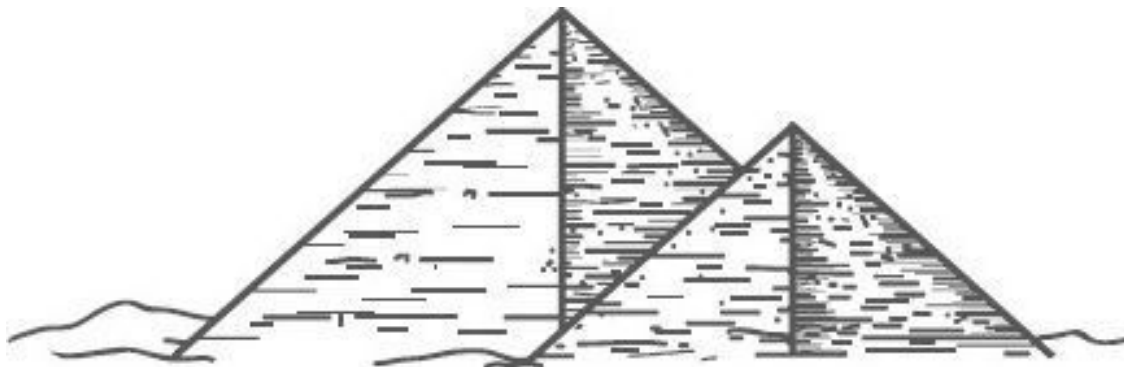
Пролог	6
1	7
2	10
3	12
4	14
5	16
Часть 1. Запутанный клубок	19
Глава 1. Необычный труп	19
Глава 2. Ещё два трупа	23
Глава 3. Ночные страсти	26
Глава 4. Ещё один потерпевший	29
Глава 5. Первая зацепка	31
Глава 6. Убийцу монаха искал не только Ахапов	33
Глава 7. Бабка Марья	35
Глава 8. Охота на Бэтмана	37
Глава 9. Натали	39
Глава 10. «Божий одуванчик»	41
Глава 11. Встреча с белобрысым	45
Глава 12. Показания Удава	48
Глава 13. Стычка	50
Глава 14. Налёт	53
Глава 15. На ложе смерти	56
Глава 16. Борька Рыжов, он же Бывалый	59
Глава 17. За дело берётся СОБР	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ольга Шевчук

Манускрипт бабушки Светланы

© Шевчук О. В.

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

Пролог

3050 г. до н. э. Город Хи-Ка-Пта (Мемфис), столица Объединенного Египта.

1

– Увы, наместник богов... Великая Исида¹ уже не поможет тебе, – со скорбным поклоном произнёс Верховный жрец Пшеренпта, приближаясь к ложу умирающего правителя. – Чары и колдовство богини бессильны перед такими ранами. Целебные зелья теряют чудодейственные свойства, когда заявляет о своих правах могучий Осирис². Твой путь завершён. – Голос священнослужителя дрогнул. Он судорожно сглотнул, борясь с волнением, и продолжил, стараясь не терять пафоса: – Не огорчайся, о солнцеподобный Хор-Аха. Твой путь завершён здесь, но он продлится в мире, не знающем времени и границ. Думай о вечном. Пусть узрят тебя все воссиявшие, да услышат они имя твоё. Да откроется тебе дорога к ним! И да упрочишься ты среди них!

Правитель Объединенного Египта ничего не ответил. Его мучила саднящая боль в груди, под тугой полотняной повязкой, на которой предательски расплзлось алое пятно. Как ни старались дворцовые лекари, но так и не смогли остановить кровь, ручьём хлещущую из колотой раны. Проклятый Мекетра! Он всё-таки подослал убийц! Хотя сам был помилован после неудавшегося бунта, учинённого им месяц назад! А ведь валялся в ногах, униженно прося венценосного племянника скормить его крокодилам! Царь заскрежетал зубами в бессильной ярости. Если бы тогда он казнил дядюшку, кто знает, возможно, и не лежал бы сейчас обречённо на одре смерти.

– Какие будут распоряжения? – ненавязчиво напомнил о себе Верховный жрец, преданными глазами смотря на умирающего господина. – Кого из близких людей желает видеть наместник богов, чтобы проститься и дать последние указания?

Хор-Аха знал, что за дверью спальни стоят его жёны, сын Джер – наследник престола, другие дети и наложницы, ожидая, когда их позовут. Среди них не было главной, любимой жены Бенриб, царицы Египта. Она умерла два месяца назад, спасая его от змеиного яда, который отсосала из ранки на месте укуса. Спасла мужа, но спустя несколько дней скончалась сама.

– Бенриб... – смёрзшимися губами прошептал правитель, воскрешая в памяти образ жены. – Скоро мы встретимся с тобой. И уже не расстанемся никогда...

Рана откликнулась новым взрывом боли, и царь застонал, заворочавшись в постели.

Пшеренпта был достаточно мудр и прекрасно понимал, что иногда происходят чудеса выздоровления, когда умирающий очень хочет жить. Он хлопнул в ладоши, подумав, что если имеется хотя бы слабая надежда, то ею нужно воспользоваться. В спальню вошёл перепуганный слуга – смуглый, в грубой набедренной повязке. Застыл немой изваянием, сложив руки на груди и сгорбившись в позе повиновения.

– Приведи женщину, – сказал священнослужитель, следя за выражением лица правителя.

Но оно оставалось безразличным к окружающему, отражая лишь то, что творилось внутри страдающего тела.

Верховный жрец устался на водяные часы. Это был керамический сосуд в форме усечённого конуса, похожий на цветочный горшок. Только вместо земли в нём находилась вода, которая постепенно вытекала через отверстие на дне. Снаружи сосуд был испещрён клинописью, а внутри, на отполированных стенках, стояли метки – по ним и определяли уходящее время. А оно текло неумолимо...

Через несколько минут дверь снова открылась. Слуга пропустил вперёд женщину выше среднего роста, в светлой кожаной накидке, и, пятясь, неслышно удалился.

¹ Древнеегипетская богиня плодородия, материнства, волшебства.

² Царь загробного мира и судья душ усопших, бог возрождения.

Пшерепптах взял женщину за руку и подвёл к постели умирающего. Отбросил с её лица капюшон, слегка раздвинул просторную накидку на груди, чтобы обнажилась шея...

Перед царём предстала юная дева, столь обворожительная, что её можно было принять за Хатхор – богиню любви, красоты и радости. Услышав о таком сравнении, священнослужитель наверняка возразил бы, что эта белоликая женщина вовсе не богиня, а дочь чужестранца. Но Хор-Аха был уверен, что никто из людей не знает, да и не может знать, в каком обликии могут явиться боги.

Она трепетно молчала и ждала его слов. Волнистые белокурые волосы, роскошные брови и глаза. Все в её лице было вызывающе правильно и утончённо, и вызывающе красиво. О боги! Хор-Аха узнал её!

Он видел эту девушку в свите старика-чужестранца, который называл себя волхвом! В свите было человек пятнадцать мужчин, облачённых в домотканые рубища. Бородатые, длинноволосые, они шли вдоль Великой Реки³ и предлагали встречным людям купить священные предметы, привезённые волхвами из дальних мест и оберегающие человека и его жилище от злобных духов, способных свить гнёзда ужасных болезней.

Хор-Аха помнил до мельчайших подробностей ту встречу. Он восседал под нарядным балдахином, скрытый от посторонних глаз, и через щёлку в занавесках с восхищением разглядывал юную особу в лёгкой тунике и деревянных сандалиях. Любые слова изумления меркли перед её чудесным обликом. «Она прекраснее, чем богиня!» – подумал тогда царь, и его охватило смятение за крамольные мысли, которые не могли понравиться небесным властелинам. Но что поделаешь, если это была правда! Такие женщины – редкостный подарок природы. О них слагают песни, из-за них вспыхивают войны и творятся всевозможные безумства. Хотелось смотреть и смотреть на неё, не отрываясь!

Он велел начальнику охраны поговорить с чужеземцами, выяснить, откуда они пришли и куда держат путь. Так он узнал, что имя девушки – Лаодика и что она дочь чужеземца-волхва.

– Пригласи их во дворец, – сказал в ту минуту царь начальнику охраны, когда тот, наклонившись к занавескам, передал монарху всё, что ему удалось выведать. – Пусть поживут под нашей защитой, расскажут о своей стране и о священных предметах, которые они привезли с собой.

Начальник охраны с сомнением покачал головой.

– Они затаили обиду на столичных стражей порядка, – пояснил он. – Те отняли у них что-то ценное, чем они очень дорожили. Как я понял, свиток с письменами.

– Зачем моим воинам понадобились письма на чужом языке?

– Не на чужом. На египетском. Отец Лаодики учёный человек и в совершенстве владеет несколькими языками.

Хор-Аха приказал немедленно разобраться с этим делом, вернуть чужеземцам украденное у них и наказать виновных.

Старик явился во дворец через несколько дней в окружении той же свиты и поблагодарил царя за справедливое решение. Дорогая пропажа нашлась, и теперь иноземный чародей просил дать охранную грамоту, чтобы никто не посягнул на жизнь его спутников и на их имущество во владениях мудрейшего правителя Египта.

Царь согласился, но высказал пожелание оставить Лаодику во дворце, чтобы сделать её своей женой.

– У тебя и так много жён, – возразил чужестранец, но тем не менее обещал подумать.

Хор-Аха поразился, какие ясные и выразительные у старика были глаза. И голос звучный, как у юноши.

³ Река Нил.

– Мне бы хотелось, чтобы ты чаще появлялся во дворце, – изъяснил царь свою волю. – Скажи, с какой целью вы приехали в Египет?

– Мне известно учение о таинственных путешествиях души. И я готов посвятить тебя в сакральное знание.

Хор-Аха не стал выяснять подробности, которые касались этого учения, гораздо важнее для него в ту минуту было другое – он не сводил глаз с прелестного лица Лаодики. Величественно кивнув, он поднялся с трона, спустился со ступенек и подошёл к ней. От девушки пахло удивительно приятными благовониями, и вблизи она была ещё красивее, чем издали. У царя перехватило дыхание.

– О несравненная, перед которой меркнут все женщины мира! Будь моей женой, – смиренно попросил он, беря её за руку.

– Моя родина – на берегах Киммерийского⁴ моря, – девушка гордо вскинула голову. – Мне бы не хотелось оставаться здесь, среди чужих людей. К тому же мы поклоняемся совсем другим богам. Прости, о великий государь, но я мечтаю вернуться домой.

Её мелодичный голос завораживал, сводил с ума.

– Моя любовь и забота о тебе восполнят все твои потери! – самонадеянно воскликнул царь, и взгляд его источал искреннюю нежность. – Посмотри мне в глаза и увидишь, что мои помыслы чисты. Я желаю тебе счастья, которого ты заслуживаешь. И ты получишь его, если только захочешь.

Лаодика хотела что-то возразить, но отец, повернувшись к ней, крепко сжал её руку, предостерегая от необдуманных слов. И она поняла этот красноречивый жест.

– Наберись терпения, государь. Я скажу свой ответ... – она нахмурила брови, что-то прикидывая в уме. – Ровно через три недели, учитывая то, что по вашему календарю неделя соответствует десяти дням.

Хор-Аха проводил Лаодику до самых дверей, наслаждаясь видом её лица и каждым движением. Какая царственная у неё была походка! Какие изысканные манеры! А что за волосы и кожа... Они казались нежнее, чем лепестки лотоса! Ничего подобного он никогда не видел! Нет, эта женщина рождена для того, чтобы стать женой государя!

Но боги коварны и завистливы. И вот теперь он умирает перед ней, а мог бы сделать её царицей Египта!

Почему земной мир так несправедлив к нему, честному и праведному человеку?! А ведь он за всю свою жизнь не совершил ни одного поступка, который помешал бы ему остаться чистым на исповеди отрицания, что в ближайшие часы его ждёт во владениях сурового Осириса.

– Ты пришла, чтобы дать ответ? – тихо спросил монарх, стыдясь своего бессилия.

Лаодика покачнулась, потрясённая зрелищем его страданий.

– Прости, государь. С тобой хотел поговорить мой отец. Это очень важно для тебя сейчас... – и умолкла, с надеждой ожидая его решения.

Царь слабо кивнул.

– Пусть войдёт с миром.

Он помнил, что её отец способен избавлять больных от недугов. И уже был наслышан от него о секретном учении гиперборейцев о странствиях души.

⁴ Современное название – Чёрное море.

2

Главный слуга удалился из царской спальни, и через несколько мгновений перед ложем умирающего предстал длинноволосый старик с удивительно ясными глазами – его моложавая кожа светилась, и казалось, что это сияние шло изнутри; на сомкнутых устах плясала загадочная улыбка человека, которому известно то, что неведомо другим. В руках он держал маленькую пирамидку, состоявшую только из рёбер, и они отливали серебристыми бликами.

– Твоё будущее зависит лишь от тебя, – сказал он правителю, отвесив учтивый поклон. – Попроси всех присутствующих удалиться, в том числе и мою дочь, и я открою тебе дверь в тайное знание. Сейчас – самое время.

Пшеренптах, внимательно слушавший старика, вдруг опасливо передёрнул плечами, будто ему в спину ударил ледяной ветер, принёсший зловещие шорохи и запах подползающего зверя. Ему показалось, что этого человека он знал когда-то прежде, и это воспоминание было связано с чем-то неприятным.

– Не доверяйся чужеземцу, господин! – прошептал он побледневшими губами, ощущая, как по спине потекли капли холодного пота. – Он отвержен нашими богами!

– Хуже, чем есть, уже не будет, – досадливо проворчал царь, не любивший, когда ему перечили. – Оставьте нас наедине.

Старик помолчал, ожидая, пока лекари и слуги покинут спальню правителя. Верховный жрец попытался было остаться, но Хор-Аха сделал недовольный жест рукой, приказывая выйти и ему. Оказавшись без свидетелей, умирающий и чужестранец изучающее взглянули друг на друга, и в глазах правителя Египта волхв увидел искрящийся лучик надежды.

– Как никогда прежде я хотел бы, чтобы мой земной путь продолжился, – угасающим голосом произнёс царь. – Я бы многое отдал, чтобы это произошло.

Волхв отвёл глаза в сторону и некоторое время смотрел, не мигая, на пламя масляного светильника, выполненного из алебаstra. На рёбрах пирамидки, которую он бережно держал на ладони, вспыхивали отсветы догорающего пламени.

– Учение, о котором я тебе говорил, сводится к тому, как продлить земное пребывание, – наконец, ответил он наставительным тоном. – Но ты должен понять и уяснить себе главное. Не верь тому, кто пообещает тебе жизнь в твоём нынешнем теле. Оно уже не способно жить дальше. Ни воскресить, ни вернуть ему былую силу невозможно. Есть другой вариант. Мы, «Вершители Судеб», храним древнюю методику, которая способна воздействовать не на тело, а на душу умирающего.

– Душу? Но у человека их несколько! Например, душа сердца – Ба и душа духа – Ху, – строго поправил его Хор-Аха, внося ясность. – Есть сила Сехем – жизненная энергия. И двойник личности – Ка. Есть духовное тело Саху, в котором обитает душа духа. Скажи мне, волхв, на какую из этих душ ты собираешься воздействовать? И не будет ли это считаться грехом на суде Осириса?

– Ты опасешься, что твоё сердце окажется тяжелее, чем Перо Истины? И что ты никогда не соединишься со своими царственными предками? – старик чуть было не рассмеялся, но, заметив, как заострились и посинели черты лица правителя – а тому явно становилось всё хуже, начал готовиться к тайному ритуалу. – На земле ещё многие люди заблуждаются относительно жизни после смерти, – пробормотал он, вытягивая рёбра магической пирамиды, за счёт чего та стала увеличиваться в размерах. – Можешь быть уверен: ты, безусловно, попадёшь туда, куда возносятся после смерти все египетские цари с чистыми душами... Но попадёшь с некоторой задержкой, если, конечно, ты желаешь получить новую земную жизнь и испытать радости, которые дарит она. Как я уже говорил, речь идёт о пребывании твоей души в другом теле. Ты согласен на это? Да или нет?

– Как осуществляется то, о чём ты говоришь? – с хрипом и свистом в груди еле слышно вымолвил правитель.

– С помощью вот этого предмета, – старик любовно погладил ладонью ребро пирамиды, – и особого ритуала. – И добавил, пророчествуя: – Очень скоро по всей земле будут расти, как грибы, большие и малые пирамиды, ибо они умеют накапливать и направлять таинственную энергию...

Бросив мимолётный взгляд на умирающего, он понял, что теряет драгоценное время, и заторопился:

– Государь! Не противься желанию сердца! Ещё немного, и ты упустишь последнюю возможность! Торопись!

Хор-Аха хотел было сказать: «Я согласен», – и расспросить подробнее, что с ним произойдёт после магических действий волхва, но вместо слов с его искривившихся губ сорвалось лишь невнятное мычание. В следующее мгновение властитель обоих Египтов – Верхнего и Нижнего – с шумом испустил дух.

Старик поставил пирамиду над царским ложем, прямо в изголовье, и заговорил сначала быстро, потом нараспев магические слова, подчиняя себе все души, которые постепенно отделялись от ещё тёплого тела монарха. Он знал эти слова наизусть, единственный из всех высших посвящённых, состоявших в тайном обществе «Вершители Судеб». Остальные иерархи могли лишь читать заклинания по тексту, записанному подробно на листе папируса.

В это время Верховный жрец Египта, нетерпеливо топчущийся у государевой двери, вспомнил чужеземца. О небо! Да это же несостоявшийся служитель храма, ещё в детстве получивший прозвище Подкидыш! Добрых полсотни лет назад его выловил в реке один из жрецов храма Тота – бога мудрости. Младенец плыл в плетёной корзине, которую кто-то опустил в воду, отдав на милость богам. Никто не знал, откуда он был и какого рода-племени. Жрец принёс спасённого малыша в храм, где тот и вырос на попечении мудрых избранников Тота и даже сумел получить лучшее на тот период образование, поскольку оказался очень смыслённым и усидчивым. Ему прочили славную судьбу, но в юношеском возрасте он внезапно исчез, похитив из храма ценный документ – папирусный свиток, который содержал неизвестное учение.

– Измена! – крикнул египтянин и бросился в царскую спальню.

Его опередил рослый охранник. В три прыжка преодолев расстояние, молодой воин оказался возле волхва. Служитель тайного культа пребывал в глубоком трансе и не замечал, что творилось за его спиной. Увидев мёртвого монарха, охранник оторопел. Ненависть, досада, ужас – все эти чувства отражались на его лице, когда он, не в силах сдержать их, вонзил копье прямо промеж худых старческих лопаток, которые торчали сквозь ткань одежды волхва, будто остатки обрубленных крыльев. Даже не охнув, старик упал замертво, заливая кровью палас из овечьих шкур.

– Что ты наделал! – Пшеренптах в отчаянии всплеснул руками. – Надо было допросить негодяя! Вырвать из него всё, что он знал!

Обнаружив в изголовье царя пирамиду, жрец отшвырнул её в сторону и возроптал в смятении:

– О, великий Пта⁵! Что этот Подкидыш успел сотворить с нашим повелителем?!

Рослый охранник принялся топтать и ломать рёбра пирамиды. И тут Верховный жрец вспомнил про дочь старика.

– Где чужестранка? Схватить немедленно! Я сам допрошу её!

Телохранители, столпившиеся в спальне, выскочили в коридор, но Лаодики там уже не оказалось.

⁵ Пта – древнеегипетский бог, творец мира и бог мёртвых, бог правды и порядка, в Мемфисе – бог солнца.

3

Через другие двери с плачем и паническими воплями бежали к покойному монарху его жёны и дети. Наследный принц, который должен был именоваться царём, как только примет сан правителя Египта, окружил себя личной гвардией, готовой перегрызть глотку каждому, кто осмелится не признать его прав на престол. Вероломный Мекетра, правитель города Иуну, конечно же, замышляет новый бунт, чтобы свергнуть молодого монарха и завладеть притягательным тронном. Значит, нужно действовать.

В резиденции покойного государя поднялся переполох. Крупные чиновники, военачальники и богатые торговцы ломались во все двери дворца, чтобы отдать последнюю дань любви царю, уходящему в Иной мир, и поддержать его преемника. Навстречу им бежали воины охраны. Они просачивались сквозь людские заторы, но толпы всё росли, и найти в них беглянку было всё равно, что нитку в ворохе шерсти, состриженной с отары овец.

Лаодика успела воспользоваться первыми минутами творящейся вокруг суматохи, когда многократно усиленная охрана, ещё не получившая сигнала схватить чужеземку, старалась никого не пускать во дворец, делая исключение лишь для самых надёжных и уважаемых граждан государства. Именно поэтому ей удалось сравнительно легко покинуть царскую обитель – людей из дворца выпускали пока ещё свободно. Она выбежала на дворцовую площадь, нырнула в гудящую толпу, которую оттесняли от резиденции правителя многочисленные стражники. Людские волны сдавили её со всех сторон.

– Вон она! Держите её! – послышался сверху хрипящий крик Верховного жреца.

Он стоял в ложе, откуда царственная чета обычно появлялась перед народом, когда намеревалась от имени богов поприветствовать своих подданных. Его крючковатый палец прыгал, указывая на беглянку. Он хорошо видел её с высоты царской ложи, но стражникам на площади разглядеть женщину в толпе было не так-то просто. Между тем Лаодика пробиралась всё дальше и дальше, ловко подныривая под чьи-то локти, когда чувствовала, что нужно спрятаться от враждебных глаз. Её друзья должны были находиться где-то поблизости: верные товарищи остались на подступах к дворцовой площади, где обещали дожидаться волхва и его дочь.

Площадь была запружена воинами, вооружёнными булавами, топорами, боевыми луками и копьями. Столичные жители прослышали о новом несчастье, обрушившемся на царственный дом, – покушении Мекетры на правителя. И многие из них роптали, опасаясь, что боги прогневались на царя, а значит, Хор-Аха вызвал их немилость. Самые стойкие возражали тем, кто был слаб духом, и напоминали им о недавнем чудесном исцелении монарха от змеиного укуса.

– Вот увидите, богиня Исида и сейчас придёт на по мощь раненому и спасёт его от смерти, – убеждали они тех, кто сомневался.

Неожиданно поодаль от площади, как раз под развесистыми пальмами, где находились друзья Лаодики, раздались душераздирающие крики, затем стоны. Кто-то в толпе завизжал от страха и ужаса. Человеческое море всколыхнулось, пришло в движение. Люди начали давить друг друга. Какая-то женщина обронила на землю флакон с благовониями и потянулась за ним, чтобы поднять. Её сбили с ног. Толпа бушевала. С головы Лаодики слетел капюшон, скользнул по плечам вниз.

– Вон она! – заорал снова с балкона Верховный жрец, заметив её светлые волосы.

Задышавшись от тяжких усилий, которые приходилось затрачивать, чтобы не оказаться в самой гуще толпы и не быть раздавленной, Лаодика стала прорываться к её краю. В ноздри бил терпкий запах человеческого пота, смешанный с различными благовониями и крепко приправленный придорожной пылью, поднятой тысячами бегущих ног. Косы девушки растрепались, и солнце, будто паук, повисший в небе, вцепилось в них своими обжигающими лучами. Изловчившись, она подхватила с земли потерянный кем-то платок, обвязала им голову, подо-

брав белокурые локоны. И мысленно вознесла благодарственную молитву: это был не иначе как подарок богов. Вырвавшись на свободу из клокочущего людского моря, Лаодика успела увидеть воинов, добивающих её друзей. Ноги у беглянки подкосились, и она едва не лишилась чувств.

Куда теперь бежать?! Где искать защиту?! Свиток с письменами, таинственный папирус, который отец завещал хранить, как зеницу ока, был при ней в особом футляре, спрятанном в складках просторной одежды. Лаодика понимала: остановиться – значит умереть и предать дело отца. Вся ответственность за сохранность манускрипта отныне была только на ней.

4

– Ты должна знать обо мне главное, о чём раньше я тебе не говорил, – вспоминала Лаодика слова отца. – Я родился на берегу Киммерийского моря, греки называли его Понтос Аксейнос, что означало Негостеприимное море. И родился я много лет спустя после того, как умер в египетском плену наш великий учёный, древний зачинатель клана – святейший мудрец и волхв по имени Аристей. Потомок гипербореев, он владел тайными знаниями, которые достались ему от великих умов погибшей гиперборейской цивилизации. Выжившие гипербореицы передавали из рода в род своим потомкам те из сакральных знаний, которые смогли уберечь. Коварные египтяне выкрали Аристеев вместе с его таинственным манускриптом, привезли в свой храм бога Тота⁶ и стали обучать египетскому языку и письменности, чтобы он смог перевести на их язык учение, записанное в свитке. Владение древним знанием давало человечеству необыкновенные возможности. Аристей предпочёл умереть, но тайну манускрипта так и не раскрыл врагам.

Перед смертью он провёл особый обряд, в результате которого его душа, вырвавшись на свободу, должна была переселиться в его потомка. И вот, когда на свет появился я, наши могучие волхвы предсказали, что душа Аристеев переселится...

– В тебя?! – Лаодика смотрела на отца с изумлением и даже с невольным страхом.

– Да, дочка. В меня. Так уж случилось по воле богов, и мне к этому добавить нечего, – старик скромно улыбнулся.

– Но почему именно в тебя? Почему?

– Потому что я, хоть и родился в Киммерии, как кочевники называют эти земли, но по своему происхождению являюсь потомком гипербореев. Причём именно тем потомком, в которого захотела переселиться душа мудреца Аристеев. И неважно, что все окружающие считают меня обычным волхвом и киммерийцем. Для меня это даже лучше.

– Выходит, и я – гипербореика!.. – прошептала потрясённая неожиданным открытием Лаодика.

– И можешь гордиться своим происхождением, – подтвердил старик. – Но позволь мне продолжить свою исповедь. Так вот, получив предсказание, волхвы переправили меня, едва успевшего родиться, в Египет и подбросили жрецам храма Тота.

– Как это – подбросили?

– Очень просто. Они действовали самым распространённым в те времена способом – пустили корзину с ребёнком в Великую Реку. Жрецы выловили корзину и взяли меня в храм. Здоровый младенец не вызвал у них подозрений... Так я оказался в святой святых служителей египетского культа Тота – бога мудрости. Никто из них и не догадывался, кого они спасли и воспитывали много лет.

– А ты? Догадывался? Чувствовал что-нибудь необычное в себе?

– Сначала нет. И волхвы, учинившие акцию, много лет терпеливо ждали того часа, когда я прозрею, другими словами, когда во мне проснётся реинкарнационная память мудреца Аристеев. И она действительно проснулась.

– А как это произошло? – теперь Лаодика смотрела на отца с любопытством и восхищением, боясь пропустить хоть слово. И не замечала, что накручивает на палец кончик длинной пряди своих волос, как всегда непроизвольно делала при сильном волнении. Ещё бы не волноваться, когда такое открылось, что дух захватывает и мурашки бегут по телу!

– Я часто и подолгу засиживался в библиотеке храма, – тем временем продолжал свою исповедь отец. – И однажды наткнулся на древний свиток с письмами на незнакомом языке.

⁶ Древнеегипетский бог мудрости, знаний, Луны.

Как объяснили мне учителя, этот манускрипт никто не смог расшифровать, поэтому он и остался в храме неиспользованным.

Увидев странные письма, я словно прозрел, поскольку неожиданно для самого себя обнаружил, что понимаю их. Вот тогда я и ощутил себя совершенно другим человеком. А окончательное перевоплощение произошло после того, как я прочитал древний текст и вник в суть гиперборейского учения. Я поинтересовался, откуда взялся в храме этот документ. Мне сказали, что он принадлежал какому-то затворнику-чужестранцу, который уже давно умер. Я спросил, как его звали, но не получил ответа. Впрочем, я уже знал благословенное имя. Мудрец Аристей! Никому не говоря о своём прозрении, я попытался узнать, каким образом сам попал в храм.

И когда выяснил свою историю, то понял, что это знак судьбы, открывший мне не только тайну моего рождения, но и подсказавший дальнейшую дорогу. Мне оставалось лишь выкрасть свиток из храма, жестоко обидев своих спасителей, и бежать на далёкую родину, в Киммерию, где волхвы, для маскировки скрывающиеся среди местных жителей, приняли меня как героя, вернувшего тайному обществу похищенное у них знание.

– А зачем мы сейчас отправляемся в Египет? – спросила Лаодика, чувствуя, что настало благодатное время для выяснения всех вопросов, поскольку отец был настроен на откровенность, а это случалось не так уж и часто.

Он кивнул, одобряя её интерес.

– Отныне ты, как и я, принадлежишь к тайному обществу, которое называется «Вершители Судеб», и смею тебя заверить, в этом обществе я далеко не простой исполнитель. Так вот, до главных лиц нашего клана докатились слухи о том, что египетская мысль не стоит на месте: жрецы храма бога Тота по приказу своего царя добились поразительных успехов, разработав некое секретное учение, позволяющее влиять на людей. Нам надо выяснить, в чём оно заключается, и попробовать добыть его для нужд нашего клана.

– Но почему должен идти именно ты?

– Я знаю каждую келью в храме Тота, каждую потайную дверцу, каждый скрытый ход, и поэтому уверен, что египетскую святыню мы обязательно добудем. Никто другой это задание выполнить не сможет, – с уверенностью заключил волхв. – Кроме того, есть предсказание, что египетский царь скоро умрёт, и нашим волхвам хотелось бы повлиять на его будущее перерождение.

– Зачем?

– Он ещё будет нужен на Земле.

– И ты сможешь это сделать?

– Смогу... если ты мне поможешь.

5

...Лаодика бежала по пыльным улочкам города, а навстречу ей торопливо шли и бежали подданные царя, прослышавшие о его кончине и желающие узнать, что творится во дворце. Будет ли их правителем сын покойного монарха или нужно готовиться к вой не со сторонниками Мекетры. Многие из бегущих плакали и молили богов, чтобы жизнь вернулась в привычное русло и на египетский престол взойшёл законный наследник, которому они готовы были вознести хвалебные молитвы как новому божеству.

– Задержите эту женщину! Остановите её! – раздался громовой голос за спиной Лаодики.

О боги! Охранники настигали её, чтобы поймать и подвергнуть пыткам! Кто-то из вельмож, метнувшись к ней, попытался её схватить. Она с воплями вырвалась, вонзив острые ногти в лицо рьяного служаки, и свернула в проулок между доходными домами богатых владельцев. Это были одно-и двухэтажные здания, с лавками и деловыми конторами на нижних этажах и с жилыми комнатами на верхних. Вместо крыш хозяева устраивали заграждения по периметру, создающие нечто вроде открытых лоджий, посреди которых возвышались небольшие деревянные навесы, спасающие жильцов от раскалённого солнца, готового обуглить кожу.

Воздух и земля обдавали жаром. Бежать становилось всё труднее. Кровь пульсировала в висках, накидка нагрелась, и перед глазами девушки вспыхивали пронзительно-красные пятна. Лаодика задыхалась. И поняла, что уйти от погони вряд ли сможет. Значит, нужно подняться наверх какого-нибудь дома и броситься с высоты вниз. Но свиток?! Неужели он достанется египтянам?! Не успела она преодолеть и несколько каменных ступенек, расположенных в боковой части здания, как кто-то схватил её сзади, зажав ей рот рукой. Она с хрипом дёрнулась, но незнакомец был сильнее. Он легко оторвал её от земли и быстро затащил за угол дома.

Они оказались на грязном дворе, где пахло помоями и жареной рыбой. Он втиснул девушку в какое-то помещение, толкнув плечом дверь. Та со скрипом закрылась за ними, оставив щель. После яркого солнца здесь стоял душный мрак. Лаодика яростно ударила похитителя ногами, забилась, как пойманная птица, которой намереваются отрубить голову.

– Тише, моя госпожа! – раздался над её ухом голос, который она уже и не мечтала когда-нибудь услышать. И благодарно вскрикнула, мысленно восславляя богов.

Это был Абарис! Но уже преображённый с помощью белого платка на голове, стянутого лентой, и одетый по-египетски: опояска до колен. На голом торсе красиво выделялись нити мужских ожерелий.

Первым делом он сорвал с плеча холщовую сумку и дал Лаодике маскирующие предметы: бисерное платье – подобную вещь могла себе позволить носить только знатная египтянка, накладные волосы. А в сумку спрятал её накидку. Тёмные спиральки волос, ниспадающих до груди, и крем под цвет густого загара до неузнаваемости изменили лицо девушки. Особенно ей понравилось украшение – широкая лента, усыпанная бисером, которая закрывала весь лоб до самых глаз и завязывалась сзади поверх парика.

– Теперь пойдём, – сказал Абарис, убедившись, что в новом облике узнать Лаодику невозможно. – Будем изображать обычных горожан.

Он рассказал девушке, как, увидев её, бегущую из дворца, их товарищи вступили в бой со стражниками, чтобы задержать, втянуть в битву как можно больше воинов охраны. А ему велели во что бы то ни стало помочь ей уйти от погони. Весь отряд знал, что между Лаодикой и Абарисом сложились особые отношения. Из всех молодых мужчин отряда она выбрала именно его. И каждый из свиты старика-волхва помнил, что девушке доверен ценнейший документ с письменами. Начинался он с древнего знания, когда-то запечатлённого на языке гиперборейцев, но в свитке записанном на египетском, – и рассказывалось в нём о возможностях путешествующей души. А в конце к свитку был приклеен новый кусок папируса, и сделано это было

отцом Лаодики совсем недавно: там была описана секретная технология, изобретённая жрецами Сета и Тота, – это был папирус, выкраденный старым волхвом из египетского храма. Как именно ему удалось осуществить задуманное, Лаодика могла лишь догадываться. Очевидно, отец воспользовался своим давним знанием всех потайных ходов и лазеек в храме...

...Лаодика и её возлюбленный шли не один день и провели вместе не одну ночь. И однажды, ещё задолго до рассвета, когда счастливая Лаодика нежилась в объятиях Абариса, он пристально посмотрел ей в глаза и сказал:

– Возможно, случится так, что на родину тебе придётся добираться одной.

– Не думай и не говори о плохом! – встревожилась девушка, предостерегающе подняв ладонь. – А то притянешь беду!

– Я должен предупредить тебя... Ты многого ещё не знаешь, Лаодика... – Абарис поднялся на локте и повернул её лицо к себе, чтобы лучше видеть каждую эмоцию и мысль, отражённую на лице любимой. – Я долго думал и решил, что нам нужно спрятать свиток где-нибудь в песках.

– Но почему? – возмутилась Лаодика. – Ведь мы обязаны отнести его иерархам, пославшим нас в храм Тота!

Абарис отрицательно покачал головой.

– Наш клан вот-вот расколется, и начнётся кровавая междоусобица. Будет два враждующих лагеря. Одни захотят возвыситься над людьми и сделаться их богами. Другие будут противостоять им в этом. Поверь, Лаодика, твой отец знал о том, что творится среди оставшихся иерархов, и перед самым нашим отъездом в Египет сделал защиту манускрипта Аристея, пропитав его специальным снадобьем, чтобы люди с чёрными помыслами не смогли воспользоваться тайным учением. А с собой мы взяли дубликат, переведённый твоим отцом на египетский язык. Замечу: среди волхвов этим языком владел в совершенстве только он один. После нашего отъезда в хранилище случился пожар. Издали я видел дым, столбом поднимавшийся в небо, видел искрящееся пламя... А следовательно, сработала защита, сделанная твоим отцом. Это снадобье должно было вызвать самовозгорание, если бы кто-то из враждебных нам иерархов прикоснулся к манускрипту Аристея... И действительно вызвало... Да, Лаодика. Твой отец отлично понимал, что любое запретное знание можно использовать во зло человеку, и не хотел, чтобы это случилось.

– Неужели всё это правда?! О боги!.. – девушка была близка к отчаянию. – Неужели нельзя доверять даже избранным? Ведь они послали нас... Надеялись, что мы не подведём...

– Увы, любимая. Создавая тайное общество, великий мудрец Аристей мечтал о благе, которое наступит для человечества, если среди них будут рождаться только благородные, талантливые и дееспособные люди. Он был наивен, как все мечтатели. И так же наивен поначалу был и твой отец, в которого вселилась душа Аристея. Однако жизнь показала, что большинство людей слишком несовершенны духом, и, к сожалению, именно такие люди смогли проникнуть в высший круг нашего клана. Поправив локон, упавший на лицо любимой, Абарис продолжал:

– Ради нашего дитя, чьё сердечко, я чувствую, скоро забьётся вот здесь, – он нежно прикоснулся пальцами к её животу, и голос его едва не оборвался от нахлынувших чувств. – Прошу тебя, давай спрячем свиток!

– Если так, то давай это сделаем прямо сейчас, – решила, взвесив всё сказанное, Лаодика. – Пока свитку ничто не угрожает.

В ту же ночь папирусный свиток, спрятанный в специальном футляре, они схоронили посреди пустыни. И пошли по направлению к Великой Реке, не оборачиваясь, чтобы уже никогда больше сюда не возвращаться.

– Постой, – вдруг встрепенулась Лаодика. – Ты говоришь, что мой отец фактически уничтожил манускрипт Аристея. Но ведь там, у иерархов, наверняка осталась копия! Могли же

они сделать это втайне и давным-давно переписать текст со свитка? На всякий случай, чтобы из-за какой-то нелепой случайности не потерять учение навсегда! Правда, у них нет описания того, что отец выкрал у египтян в этот раз – новой секретной методики, изобретённой египетскими жрецами.

– Будем надеяться, что в пламени погибли все свитки, которые были у наших иерархов. Но ты должна помнить, что любые слова бесполезны, если не уметь их правильно произнести, не знать, как подготовиться к священному обряду и какие предметы при этом использовать. Твой отец умел это делать, поскольку он и Аристей, по сути, были одно и то же. И только тот человек, в которого теперь реинкарнируется душа твоего отца, сможет вспомнить всю последовательность воздействий на душу – древнейшее учение гиперборейцев, как вспомнил твой отец, и будет знать, как этим знанием воспользоваться. А возможно, вспомнит и секретную разработку жрецов Сета и Тота.

– И кто будет этот человек?

– Достоинейший потомок гипербореев. И никто другой! А вот то, что придумали египетские жрецы, может применить любой человек, если дать ему описание действий, правильный текст и специальное снадобье. Ему останется только безошибочно всё это применить. И правильно произнести слова.

– Откуда у тебя такие сведения?

– Так мне сказал в доверительной беседе твой отец.

Лаодика промолчала, с благодарностью подумав об отце. Ведь он, прежде чем идти с ней во дворец, начертал на изнанке её кожаной накидки какие-то знаки, целый текст, и сказал, что это очень сильный оберег от злых людей. И ей непременно нужно идти к египетскому царю именно в этой накидке, да и потом лучше не снимать эту вещь, потому что она обладает мощной магической силой. И оберег действительно помог... Более того, по словам отца, эта накидка сможет также оберегать женщин их рода, если они будут хранить её у себя. И ещё он сказал, что на Абариса можно положиться.

– Но ведь папирус, который отец выкрал у египетских жрецов Сета и Тота, тоже мог иметь копии? – высказала вслух вполне резонное предположение Лаодика, прокручивая в голове всю информацию, которая стала ей известна.

– Ты права, – Абарис с чувством сжал её пальцы и прижал к своей щеке. – Твой отец тоже думал об этом, даже искал их в храме Тота, но не обнаружил. А самих жрецов, авторов этой методики, наши бойцы обезвредили во время суматохи, поднявшейся во дворце в связи со смертью царя.

– Убили?!

– Нет. Но никаких секретных методик они больше придумывать не смогут.

Часть 1. Запутанный клубок

Глава 1. Необычный труп

В своей прошлой жизни Василий Васильевич Ахапов был царём. С большой натяжкой можно сказать, фараоном – в те архаические времена так ещё не называли правителей Египта. В этой жизни ему повезло гораздо меньше: вместо царской короны он носил обыкновенную полицейскую фуражку, а на печках – капитанские погоны. Хотя, справедливости ради, кое-какой властью как сотрудник полиции он всё же обладал. Правда, проживал вовсе не в столице, а в небольшом провинциальном городке, сумевшем сохранить облик давно ушедших веков. Впрочем, до Москвы отсюда было не так уж и далеко – меньше трёхсот километров, так что в столицу Василий заглядывал не так уж и редко. А вот в нынешнем Египте побывать ему ещё не доводилось.

Царское прошлое открылось ему совершенно неожиданно и внесло сумбур в его жизнь. Но об этом чуть позже. Ибо прежде всего как представителю закона Ахапову следовало заняться очередным трупом, который в эти минуты ему подкинула полицейская судьба.

Труп оказался необычный – судя по одежде, православный монах. При нём не оказалось никаких документов, ничего характерного, кроме чёрной мантии и скуфьи, и первоначально требовалось узнать, не из мужского ли он Борисоглебского монастыря, расположенного в Торжке.

Ахапов позвонил секретарю настоятеля монастыря, описал приметы трупа: рост сто восемьдесят три, телосложение плотное, борода и длинные волосы – чернота с проседью.

Секретарь тяжело вздохнул и обещал приехать в морг.

Нашли покойного в городском сквере, неподалёку от памятника Кирову. Он лежал лицом вниз, и между его лопатками торчала увесистая рукоять кухонного ножа. Трава вокруг и цветущая календула в клумбе не были примяты, никаких следов борьбы не обнаружилось, из чего следовало, что инока подкараулили незаметно для него. Ни на каких городских камерах слежения он не засветился.

Когда в морге приоткрыли простыню, закрывающую труп, секретарь долго всматривался в застывшие черты, даже оттянул веко покойного – водянисто блеснул круглый глаз. Посмотрел на руки усопшего.

– Никогда не видел этого человека, – с уверенностью сказал он. – Ни в нашем монастыре, ни на соборах.

«Значит, убитый был заезжий посторонний человек, возможно, и не принадлежащий к монастырской братии», – подумал капитан.

Действующая церковь в городе была одна, и её главу Василий знал достаточно хорошо, чтобы обратиться к нему с просьбой. Увидев, как батюшка степенно выходит из Божьей обители, Ахапов подошёл к нему. Выяснил, что его уже, оказывается, оповестили о случившемся.

– Не в службу, а в дружбу: если что-то узнаете, сообщите, пожалуйста, мне, – попросил капитан батюшку.

Патологоанатом Жора, заядлый приятель Василия и весьма неплохой специалист, немного приподнял завесу тайны:

– Смерть наступила почти мгновенно. Удар ножом на редкость точный, произведён опытной, я бы даже сказал, чересчур опытной, рукой.

– Когда это произошло?

– Где-то около двадцати трёх часов.

Совсем ещё не поздно!

– Теперь главное. Ночью, до вскрытия, кто-то побывал в морге.

– Почему ты так думаешь?

– Помнишь, секретарь из монастыря осматривал руки покойного? Я тоже обратил на них внимание. И могу точно сказать, что после ночи правая рука у покойника стала лежать немного не так. Сам он сдвинуть её не мог, следовательно, это сделал кто-то другой. Кроме того, на руке появился свежий след от склеенной ранки, правда, очень крошечный. Но раньше его точно не было!

– Ты славно поработал, Жора. – Ахапов нарочно удержался от эмоций, чтобы дальнейшие слова прозвучали как можно эффектнее: – Когда придётся вскрывать меня, посмотри, годится ли моя печёнка для обеденного стола неких безымянных потрошителей, – и многозначительно заглянул ему в глаза.

Жора усмехнулся всеми своими фарфоровыми коронками.

– Один – ноль! – крикнул он Василию, уже захлопывающему двери морга.

Такая жуткая перспектива – быть изрезанным и распиленным после смерти – сотрудника полиции Ахапова вовсе не прельщала. Однако правителю Египта, каким он являлся в прошлом, напротив, хотелось быть выпотрошенным в точном соответствии с ритуалом погребения, предназначенным для коронованных особ.

Хор-Аха ещё при жизни повелел, чтобы после смерти его непременно забальзамировали и погребли в окрестностях столицы Хи-Ка-Пта – в районе Саккара. Его великолепная кирпичная усыпальница – мастаба, построенная по его приказу и напоминающая усечённую пирамиду, – как ни странно, дожила до сегодняшних дней. Правда, царственных останков в ней не обнаружили. Некоторые египтологи утверждали, что его похоронили в Абидосе, но останков там тоже не нашли, а что касается сохранности сооружения, то вся надземная часть абидосской усыпальницы разрушилась, частично сохранилась лишь подземная.

Кстати, египетское прошлое Василия вовсе не было плодом большого воображения. Оно было реально, так же как была, безусловно, реальна его нынешняя жизнь, и никаких доказательств этому не требовалось. Ведь не надо же, к примеру, никому доказывать, что у него было детство или отрочество, или был период внутриутробного развития. И то, что это прошлое выявилось внезапно, Василия совершенно не удивляло. Вскрылись таинственные родники памяти! Достался самый ценный подарок судьбы, который только может быть! У большинства людей добрая половина мозга, хранящая информацию прошлых жизней, так и остаётся невостребованной. Да ему просто повезло!

А произошло это следующим образом. Василия подчищали и зашивали после очередной солидной трёпки – оперативная группа шерстила окрестности вокзала, и на одной из «малин» произошла серьёзная стычка. Он хорошо помнил, как на операционном столе врач поковырялся инструментом в его разорванном боку и сказал:

– Придётся дать наркоз. Рана, оказывается, глубокая.

Ахапову прокололи вену, потом он почувствовал на своём лице маску. Его лёгкие долго сопротивлялись сладковато-удушливому запаху, напоминающему трупный. Коллеги рассказывали Василию, как в подобных случаях улетали по узкому, тёмному колодцу в далёкую высь, и впереди видели волнующий яркий свет. Да, колодец точно был. А потом Ахапов ощутил себя в удивительно знакомом мире и сразу понял, что это и есть самый настоящий его мир. Именно тот, в котором он должен жить. А то, что существовало вне этого мира, было чем-то случайным, эпизодическим, абсолютно чуждым ему и пустым.

В том мире он был царём Объединённого Египта, так как его отец Нармер, правитель Верхнего Египта, женился на царевне Нижнего Египта, но, прежде чем жениться, завоевал земли её родителей. Когда у коронованной четы родился сын, Нармер даровал ему наследственную власть над всем Египтом. Таким образом, Хор-Аха, что звучало как Сокол Сража-

ющийся, или Сокол Воинственный, Сокол-Воин, стал вторым царём Первой династии после своего отца.

Ахапов увидел себя в величественном храме бога Пта, выстроенном в конце правления Нармера. И явственно почувствовал, ощутил, что он – сын Нармера, царь Хор-Аха. Лучшие писцы столицы покрывали стены храма и священные монументы сине-зелёными письменами, восхваляющими Пта как творца мира. Когда Нармер основал свою новую столицу Крепость Духа Пта (по-египетски Хи-Ка-Пта), он повелел жрецам создать культ бога Пта, ибо этот бог должен был стать не только покровителем столицы, но и главным богом пантеона, так же как Крепость Духа Пта – главным городом Объединённого Египта.

– Никто не знает подлинного имени Верховного Творца, – сказал Нармер служителям культа. – В Иуну⁷ его называют Атум⁸ и Хепри⁹. У меня, правителя Египта, тоже есть другие имена. Итак, я, царь Нармер, повелеваю называть создателя всего сущего именем Пта.

И вот теперь, спустя тридцать лет после смерти основателя столицы, этот храм преобразился, получив обновлённый облик, и щедро расписывался священными письменами.

Верховный жрец Пшеренптах, пожевав ложку особой соли, чтобы очистить свои уста, в почтительной позе стоял возле царя и показывал ему свежие надписи, ещё не просохшие, пахнущие растительной краской. И радовался, как ребёнок, поскольку понимал, что оставляет послания на века – впервые в истории Египта. К тому же росписи обладали могучей магической силой и, несомненно, должны были способствовать процветанию страны и её владыки.

В нескольких местах храма стояли курительницы, из которых тёк благотворный дымок, очищающий помыслы находящихся здесь людей.

Царь Хор-Аха внимательно рассмотрел иероглифы, только что рождённые под рукой мастера, и удовлетворённо кивнул.

– Читай!

Жрец вскинул руки в жесте благоговения, показав крашенные хной ладони. Его голова, лишённая всякой растительности, светилась, как полная луна.

– И каждое божественное слово возникло из того, что задумало сердце и вымолвил язык...

Голос жреца немного дрожал и был возвышен. Ритуальная повязка над его глазами была разрисована культовыми символами, среди которых особенно выделялись рога быка, держащие солнце, ибо священным животным бога Пта считался бык Апис.

– И воздано было по заслугам тому, кто любим, и тому, кто ненавистен. Так была дана жизнь миролюбивому и смерть – преступнику... И сказано было о Пта: «Тот, кто сотворил всё сущее и создал богов и людей...»

– Хорошо, – одобрил Хор-Аха, прервав его чтение.

И повелел у самого входа в храм поставить статуи сфинксов, чтобы надёжно охраняли его врата.

– Из алебаstra? – поинтересовался Пшеренптах. – Это будет исполнено скоро, и в то же время скульптуры из такого материала достаточно долговечны. Лучше всего установить несколько сфинксов в два ряда, но для этого придётся немного подвинуть стелу с изображением ушей.

Такие стелы возводились у стен каждого храма как символ и предупреждение: внимайте гласу божьему и помните, что у богов тоже есть уши! Хор-Аха согласился с предложением жреца, потом показал пальцем на конец надписи, которую Пшеренптах только что прочитал.

– «И людей» убрать. Так будет значительнее.

⁷ Город Столбов (с египетского), греки этот город называли Гелиополь.

⁸ «Совершенный» (с египетского).

⁹ «Тот, кто приводит к возникновению» (с египетского).

Через некоторое время Хор-Аха вышел из ворот храма и нетерпеливым жестом подозвал к себе старшего слугу.

– Где жрецы Тота? – спросил у него, недовольно приподняв бровь.

– Они ждут твоего приказа, о великий.

Теперь уже слуга подал знак страже, и те подвели к царю двух служителей храма Тота. Этот бог считался писцом и визирем Верховного Владыки и являлся олицетворением божественного Разума. Он был столь могущественным, что считался также богом Правды и Истины. Когда Пта сотворял мир, то всё, что ему подсказал создать визирь, было тут же воплощено в действительность.

Бог Тот изображался с головой птицы ибис, поддерживающей луну, и его священным животным считали павиана. Именно такие символы и пестрели на налобных повязках жрецов, представших теперь перед царём. Белые льняные одежды на них были покрыты пятнами пота, особенно на одном, массивном, как гиппопотам.

– Мои уши открыты, – произнёс Хор-Аха, стараясь унять нетерпение.

– Государь, мы уже почти нашли рецепт снадобья, – с воодушевлением сказал толстый жрец. – И проверяем силу слова, заключённого в том воздействии, о котором мы тебе говорили в прошлый раз.

– Хорошо. Но мне кажется, вы не слишком торопитесь с результатом, – усомнился в их искренности царь.

– Мы делаем всё возможное и невозможное тоже, – вступил в разговор другой жрец, что был помоложе.

Он был очень тощ, что могло вызвать только похвалу, так как даже простой египтянин, не говоря уже о жрецах, должен был оберегать от «ношения» излишней тяжести свою истинную сущность, заключённую в телесных оболочках.

– Дело в том, – решился на откровенность толстый жрец, – что наше творение предполагает, что мы служим не только Тоту, но и Сету – богу хаоса, войны и смерти.

– Ну и прекрасно! – воскликнул Хор-Аха. – Как известно, именно бог Сет является покровителем царской власти. Я придаю слишком большое значение вашему изобретению, – с суровостью в голосе продолжал повелитель. – И хочу, чтобы эта работа была закончена до завершения сезона цветения. Так повелеваю я, и так будет!..

Когда, разбуженный после наркоза, Ахапов увидел лица в стерильных масках – хирурга и медсестёр, то не сразу осознал, что произошло. Но когда через некоторое время над ним склонилась Нина – зарёванная, растрёпанная, и принялась причитать и охать, – он впал в глубокую депрессию. В сладкой египетской жизни у него было три жены – одна красивее другой, и что за царственные это были женщины! Как умели они себя держать, и какая печать величия лежала на их лицах... А как эти жёны его любили!

И ещё ему смутно вспоминалось прелестное создание, которое ассоциировалось с богиней любви и красоты Хатхор... Но облик ускользал, подёргивался туманной дымкой... И прожить его более ярко Василий не мог. А хотелось!

Увы, у него пропало всякое влечение к женщинам двадцать первого века, в котором он находился сейчас. Слава Богу, Нина оказалась умной девочкой. Он объяснил ей причину своего охлаждения, и очень скоро её глаза неестественно вытянулись, обведённые толстой линией, волосы завились и почернели, а на ступнях появился характерный кирпичный оттенок, создаваемый хной.

Он стал называть её именем своей главной жены – Бенриб. Она приняла всё это за игру, которая понравилась ей, вытеснив надоевшее провинциальное однообразие. Во всяком случае, теперь муж для неё был не иначе как «царственный супруг». Потом она пошла ещё дальше: подобрала кое-какую литературу и стала вполне сносной копией египетского оригинала. Отношения между супругами наладились.

Глава 2. Ещё два трупа

Выслушав объяснения Ахапова по поводу монаха, начальник отдела Серёга Дятлов прошепелявил, изобразив на лице почти искреннее сочувствие:

– Тебе «повезло», Василий. Только что сообщили: ещё два трупа. На Ржевской.

Серёге должны были вставлять зубы, выбитые в той стычке на вокзале, когда Ахапова продырявили заточкой, и теперь он деликатно прикрывал рот ладонью.

– В чём повезло?

– Один из них твой давний знакомый. Когда-то именно ты сумел найти улики и упечь его за решётку.

– Ёжкин пень! Тихушника замочили?!

Дятлов лишь выразительно развёл руками.

– Как говорил один почтенный восточный философ¹⁰, «Смерть – это стрела, пущенная в тебя, а жизнь – то короткое мгновение, которое она до тебя летит». Значит, до него уже долетела.

Дом Тихушника находился напротив действующей церкви, ставшей главным украшением улицы. Место для православного храма выбрали удивительно красивое – на высокой горке, в окружении примечательных сосен и густого туевого кустарника. Хороша получилась Божья обитель! Стройная, воздушная, белая. Недавно её купола покрыли глазурованной лазурью и крупными золотистыми звёздами.

Прежде на этих куполах сидели вороны и галки, облепляя их сплошной уродливой чернотой. На восходе и закате солнца они поднимали такой гвалт, что заглушали колокольный звон. Новое покрытие оказалось столь гладким, что птицы соскальзывали с него, не в силах удержаться, и вынуждены были теперь облюбовывать для своих «посиделок» высокие деревья. И ещё одна произошла перемена к лучшему: мелодия, создаваемая звенящими колоколами, стала переливчатой, вдохновенной, душу радовала. Это новый звонарь старался, вместо прежнего звонаря Фокина – соседа Тихушника.

Металлические ржавые ворота дома, где жил Вадим Тихонин, были приоткрыты. Убитый лежал прямо за ними, на мелком гравии, в позе ползущего человека. По-видимому, бежал от преступника, но до ворот не успел добраться. Убийца настиг его и сделал своё чёрное дело. Белая рубаша Вадима была пропитана кровью. Пару лет назад Тихушник вернулся из зоны, где отсидел за неумышленное убийство, правда, Василий был уверен, что смягчающую статью ему адвокат придумал.

Второй труп был женщины, она лежала на полу сразу же за дверью неотопливаемой постройки – сарая с довольно приличными окнами. Василий её тоже знал – Галина Кликухина, попросту Кликуха.

Ахапов оглядел помещение. Следы крови виднелись повсюду, от малых пятен до больших, а на выцветшем покрывале, которым была застелена кровать, даже целая лужа, уже подсыхая. На полу сломанные стулья среди разбитых стаканов и посуды. На столе возле окна – опрокинутая бутылка из-под водки и скудная закуска алкашей, разбросанная по скатерти. В углу, справа от входа – сорокалитровая бутылка с бордовой мутью. Приподнял стеклянную пробку – обдало забродившей сливовой наливкой. Похоже, парочка отмечала что-то, праздновала. Отметила...

– Как их нашли? – спросил Василий у полусонного участкового, терпеливо ожидающего, когда он понадобится. – Могли же и неделю тут пролежать.

¹⁰ Аль-Хусри (1880–1968) – сирийский интеллектуал, писатель.

Синичкин захлопал выгоревшими ресницами.

– Сосед, дед глухой, ну, звонарь бывший, пошёл со своими собаками к колонке за водой. Проходил мимо ворот Тихушника, а шавки его вдруг подняли лай. Дед глянул в щёлку и всё понял. Ну и сообщил в полицию.

В уличном ряду, на правой стороне, дом Тихушника стоял первым, выходящим к основной дороге. Чуть поодаль, напротив него, светилась на холме церковь. Отсюда улица и начинала постепенно карабкаться вверх. А ниже она уединялась от общего шума и брала круто влево, словно сбегая к ручью. Там, за дощатым забором, и прилепился к ней двухэтажный бревенчатый дом экс-звонаря, открывающий официально Ржевскую. До водоколонки деду топать и топать, и дом Тихушника никак не миновать.

Обычно с ним общаться было трудно, поскольку оглох на вредной работе. Но вышел на улицу к Василию по первому же звонку в калитку.

На этот раз тема была ему известна, ответы он подготовил заранее и сыпал их, словно зерно голубям. Но в основном всё мимо, редко какое из «зёрен» попадало по назначению. Обе дворянки – чёрная и рыжая, так и крутились перед ним, виляя хвостами.

– Они учуяли, они, – прокричал дед, щеря рот в кривой ухмылке и показывая пальцем на своих шавок.

– Кто приходил к убитому в этот день? – спросил Ахапов как можно громче.

– Да утром шёл за водой...

Он, похоже, так же не мог спокойно стоять на месте, как и его собаки. То ли своим псам подыгрывал, то ли какую-то бабёнку вдалеке разглядел, решил привлечь её внимание. Чудак да и только! Напрягая голос, Ахапов поинтересовался, видел ли дед каких-либо людей в доме Тихушника.

– А леший их знает! Ходили тут разные.

Экономя время и голос, Василий вырвал блокнотный лист, набросал несколько вопросов, в конце сделал приписку: «Просьба ответить письменно и занести в кабинет № 3 капитану Ахапову», – и вручил деду.

Синичкин за это время успел найти стопку писем на чердаке убитого, принёс их со скучающим видом.

– Товарищ капитан. Может быть, здесь что-нибудь откопаете.

Письма были из зоны.

– Там ещё фотки всякие есть.

– Неси. Вдруг корешей каких следы отыщем.

...Уставший до чёртиков Жора смывал с резиновых перчаток кровь под краном, брезгливо морщился и сопел – надоело, по-видимому, всё, да куда денешься? Работа. Ахапову обрадовался: знает, что за другом «не заржавеет».

– Порезы были нанесены, скорее всего, «бабочкой», – сообщил он Василию без всяких вступлений.

Ох, уж эти «бабочки»! Длинное и тонкое, как жало, лезвие. Скос от середины до обуха клинка. Две изящные удлинённые ручки с боковыми прорезями, в которых лезвие прячется, как в футляре, если «крылышками» взмахнуть – описать ручками ножа по полукругу. Крепёжный запор сдвигает ручки в одну – чтобы держать удобнее было. Самое, что ни на есть, бандитское изобретение!

– Смерть наступила приблизительно в пять утра, – продолжал Жора, вытирая руки свежим вафельным полотенцем. – Да, вот что я тебе ещё хотел сказать, – он как будто заколебался – говорить или не стоит, наконец, решился: – У меня такое подозрение, что на мозг монаха было оказано странное воздействие.

Василий вскинул на него глаза.

– Какое именно?

Жора повесил полотенце, прошёл к столу, накрытому клетчатой клеёнкой.

– Я не понял. И даже объяснить, что произошло с мозгом, не могу. Он какой-то другой по цвету. Оттенок едва уловимый, но тем не менее присутствует.

– Это не могло быть естественным отклонением от нормы, как, например, цвет кожи?

– Не думаю. Но это я так, просто подкинул тебе орешек, который ты можешь погрызть, если есть желание.

Жора уже догадался, что друг не слишком спешит по делам, и решил озадачить его неожиданным советом.

– Вот что пришло мне в голову, Василь. В твоей работе здорово помогло бы умение перемещать своё энергетическое тело туда, куда потребует конкретная обстановка. Скажем, взять да и поприсутствовать незримо на месте преступления. Или оказаться рядом с обвиняемым, чтобы посмотреть на его поведение.

– Это называется обрести навык телепортации, – подытожил Ахапов и не удержался от возгласа с ехидцей: – Эх, чего захотел! Фантазий у тебя – хоть отбавляй!

– А что? Вполне реально. И зря ты так скептически к этому относишься. Есть специальные упражнения и очень даже действенные методики. Прикалывайся сколько хочешь, но я, например, уже начал тренироваться. И стараюсь выкроить для этих занятий время.

Капитан, прищурившись, окинул друга с головы до ног. Вроде не похоже, что пудрит мозги.

– И в чём заключаются твои тренировки? – поинтересовался на всякий случай.

– Ну, на первом этапе надо научиться направлять поток энергии в одну из частей тела. Потом в мозг. Но нужно соблюдать особую диету и практически стать вегетарианцем. Кроме того, в пище должны быть эфиры. Рекомендуются утром, натощак, выпивать десять граммов кедрового масла, двадцать граммов мёда и заедать это пятью граммами цветочной пыльцы.

Ахапов хмыкнул.

– Скажешь тоже! Где цветочные плантации искать? И главное, когда?

– Это уж, старик, твои трудности. Моё дело подсказать, предложить. Одним словом, позаботиться о просвещении ближнего... – Жорик скорчил обиженную мину.

– Ну, спасибо, что не забываешь. Ещё скажи, хорошо бы научиться прыгать в любые отрезки времени – в прошлое, будущее...

– Безусловно, хорошо! И дар ясновидения можно приобрести, если захотеть по-настоящему. Чувствуй, собачья, что всё это под силу лишь избранным.

Василий с сомнением посмотрел на него. Куда он клонит? Неужели догадывается о странных «провалах» Ахапова в Древний Египет? Но нет, не похоже: взгляд у Жоры был искренний и чистый.

– Ты прав, дружище, – смягчился Василий. – Но на одних только методиках далеко не уедешь. Тут нужен Учитель. И не простой подсказчик-понукаватель, а Мастер своего дела. Правда, некоторые приобретают особые умения только после кратковременной смерти.

– Клинической смерти, – поправил Жора, скрестив руки на груди и готовый ринуться в словесный поединок, чтобы отстаивать свою точку зрения.

У Жоры уже давно появилось хобби – выискивать всевозможную эзотерическую литературу, находить сумасбродные рецепты и методики и непременно делиться почерпнутыми сведениями с Ахаповым.

– Вопрос на засыпку, – Василий решил перевести разговор в другое русло. – У Тихушника случайно не было отклонений в цвете мозга?

– Нет, гарантирую. Да и отправил его с Кликухой на тот свет не убийца монаха. Здесь рука не та. И не удары ножом, а порезы. В общем, ищи двух убийц.

У Василия оказалась с собой «Кремлёвская», и они тут же по-братски её разделили, приговорив к преждевременной кончине.

Глава 3. Ночные страсти

Наверное, лучше было бы перепить, чем недопить. Потому что, недопив, Василий почувствовал себя чересчур умным и смелым и напрямик отправился на Ржевскую.

Дом Тихушника со стороны фасада утопал в зарослях декоративного кустарника, который заполонил весь палисадник и маскировал по самую крышу изъёмы в архитектурном облике самой постройки. Он бурно цвёл в макушке лета мелкими белёсыми гроздьями, похожими на ёлочные шары, и теперь дал семена зелёного цвета.

В Египте такой кустарник не водился. Вокруг белоснежного царского дворца росли мировые деревья, акации и финиковые пальмы.

«Порекомендую, при случае, своим садовницам развести какие-нибудь цветы, – подумал с усмешкой Василий, перелезая через дощатый забор, – и ещё посоветую устроить живые изгороди». Забравшись на самый верх, он ухватился за ближайшую ветвь яблони и спрыгнул в сад. Его обступила непроглядная тьма, освещаемая тусклым светом сгорбленного фонаря, сиротливо стоявшего напротив ворот Тихушника. Убийцы часто возвращаются на место своего преступления, особенно в первую ночь. На это Ахапов и рассчитывал.

К углу достопамятного сарая была прилажена небольшая беседка, «костяком» сооружения служили несколько металлических и деревянных кольев, вбитых в землю по периметру. Стенами – листы алюминия со стороны огорода и сетка «рабица» по линии двора. От дождя этот закуток оберегала рубероидная крыша. Внутри беседки стоял довольно крепкий топчан, напоминающий эковские нары. Василий улёгся на него, положил под голову руки, не обращая внимания на комаров, которые свирепыми полчищами ринулись на него. На какое-то время он даже задремал.

Но пьяная кровь, поначалу разгорячённая, вскоре перестала греть его тело, и он уже подумывал, не убраться ли ему восвояси, как вдруг ощутил чьё-то присутствие. Ночь выдалась ветреная, и он решил, что именно это создает такую иллюзию. Некоторое время Василий сидел, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к малейшему шуму. В разрыве облаков, гонимых по небу, высветилась луна, похожая на криво слеппенный ком снега. Капитан тихо поднялся с топчана и затаился за алюминиевым щитом. Тревожное ощущение усилилось. Более того, он явственно уловил чьи-то едва различимые шаги, потом всякие другие звуки: то лёгкие шорохи, то слабое потрескивание... Кто-то шёл сюда от дальней калитки, которая находилась в конце сада.

Василий прижался к щиту. Прийти сюда мог только преступник.

Он вынырнул из кустов и теперь по тропе направлялся к беседке. Высокий, широкоплечий, в кожаной куртке. Свет был слишком слаб, чтобы разглядеть лицо незнакомца в деталях. Тем не менее, Ахапов самонадеянно подумал, что узнает его, если сейчас тому удастся скрыться. Но не для того Василий полночи был трапезой для всяких кусачих тварей, чтобы этот тип отделался от него так просто.

Человек прошёл мимо беседки, встал возле опечатанной двери летней постройки. Беседка была от него справа, дом Тихушника слева, сзади – гараж с металлическими воротами. Незнакомец постоял перед запертой дверью и должен был бы уже начать её вскрывать, но почему-то медлил, держа в руке какой-то небольшой предмет, возможно, отмычку. В этот момент Василий и прыгнул на него сзади, стараясь ударом в затылок сбить на землю.

Однако ночной пришелец неуловимо быстро отклонил своё тело немного вбок и вперёд и тут же, опершись руками о землю, впечатал ногу в живот Василию. «Удар скорпиона» получился мощнейший. Ахапов с трудом его выдержал, успев на выдохе напрячь пресс. И всё же отлетел к железному колу. Больно врезавшись в него поясницей, он увидел, что противник уже не только рядом, но и атакует.

Ему удалось сходу пробить защиту и рукой ощутимо рубануть Василия по ключице. Тот чуть не взвыл от боли. «Неужели сломал?!» – где-то в подсознании вспыхнула мысль, тут же поглощённая болью. Заученным выбросом ноги Ахапов ударил его в пах, но незнакомец отбил это движение внешне лёгким взмахом руки, от которого у Василия посыпались из глаз искры.

И тут произошла странная вещь. Когда Ахапов, честно говоря, уже прощался с жизнью, его противник неожиданно развернулся и бросился бежать. Что его спугнуло, Василий не понял. Но отметил, что удары незнакомца были щадящими. Если сравнить бойцовские качества этого человека с зажжённой лампой, то во время схватки она горела едва ли вполнакала. Ночной гость явно не хотел, чтобы схватка привела к летальному исходу. Обездвижить врага, лишиться сознания – да, а вот убить – нет. И теперь этот человек летел пулей по тропе к дальней калитке, прошибая грудью преграды из зарослей.

Цепляясь за стену, к которой привалился в драке, Василий поднялся. И едва не упал от острой боли в лодыжке. Но надо было преследовать, и он побежал, если это можно было назвать бегом. Незнакомец уже маячил внизу сада, у сколоченной из горбыля калитки. Василий выхватил пистолет. Калитка со скрипом распахнулась, и сразу же захлопнулась, закрыв обзор. Стрелять было поздно.

Когда Ахапов доковылял до неё, преступник уже скрылся. Внизу слышался лёгкий шум бегущей речушки, уже давно превратившейся в широкий ручей. С большим трудом Василий спустился к ручью, окунул ногу в ледяную воду. Он ругал себя последними словами. Упустить добычу из-под носа! Что ни говори, а алкоголь замедляет реакцию и притупляет ум. Капитан и про пистолет-то вспомнил, когда этот тип был уже далеко! А впрочем... вдруг это не убийца?! Мог же убийца послать кого-то вместо себя? Например, если ранен – ведь в жилище Тихушника явно шла какая-то разборка! И дверь этот тип не взламывал... Василий воспрянул духом и даже плечи расправил, поняв, что на самом деле всё к лучшему, и зря он себя ругал. Слава Богу, что он не продырявил ночного гостя пулей!

Тем не менее надо было ехать в лечебницу. Ахапов вызвал скорую помощь, втайне надеясь снова покайфовать в своём египетском прошлом. Но, вопреки его надеждам и откровенным пожеланиям, стопу обработали и вправили без наркоза, так что ему не удалось побывать в своих царственных хоромы в окружении любящих египетских жён. В самом мрачном расположении духа он поплёлся домой, в служебную квартиру на Ильинке, состоящую из двух смежных комнат и кухни.

Но когда Нина-Бенриб открыла дверь, он подумал, что его всё-таки усыпили «эликсиром счастья». На ней было туго облегающее золочёное платье, ниспадающее до тонких щиколоток и украшенное золочёными перьями экзотических птиц, на голове – парик, увитый золотыми лентами.

– Мой царственный супруг пожелал осчастливить меня в эту ночь? – сладким голосом промолвила она, вскидывая ладони, как перед божеством.

Раньше она бы набросилась на мужа с упрёками за то, что он опять «всю ночь где-то шлялся». Но благодаря египетскому прошлому, ворвавшемуся в их жизнь, Нина менялась прямо на глазах!

– Любимая! Ты великолепна! – с восхищением произнёс Василий. – Но разве ты не знаешь, что накладные волосы стали модными в эпоху Третьей династии, другими словами, спустя много-много лет после нас с тобой? – не хотелось её разочаровывать, но истина была дороже.

– Что я слышу?! Мой царственный супруг забыл, что законодательницей мод в стране должна быть его главная жена? – возразила она с лстивой улыбкой. – Я решила ввести новую моду прямо сейчас! Вот увидишь, придворные дамы и многие мужчины уже завтра же пожелают носить парики. И все найдут, что это очень даже удобно, практично и вполне красиво. К тому же, как я выяснила, парики пришлись по вкусу египтянкам задолго до Третьей династии... А теперь следуй за мной, – она взяла Василия за руку и, раскрыв двери, ввела его в зал.

Ахапов оторопел ещё больше. Четыре колонны красного цвета с зелёными чашелистиками у основания упирались в потолок по четырём углам комнаты. Их верх украшала резьба в виде связки папирусных стеблей. Чисто египетский орнамент! Вершины стен обрамлял тростниковый рисунок. Охапки тростника, собранные в букеты, и зелёно-красная бечева, стягивающая отдельные пучки, были выполнены очень эффектно. Этот стиль назывался хекер. В довершение ко всему у правой стены комнаты стояла кровать в виде широких носилок, опирающихся на деревянные львиные лапы, и вместо подушек на ней возвышались два изящных подголовника.

– Когда же ты успела? Как додумалась? – Василий был сражён наповал видом почти египетского жилища.

Бенриб загадочно улыбалась. И вдруг сбросила с себя парик, рассыпав по плечам мелкие спиральки локонов, сорвала платье, оставшись только в чёрной набедренной повязке, расшитой золотой бахромой, и сделала потрясающий «мостик» – точь-в-точь, как египетская акробатка! Ахапов тихо охнул, поняв, что, несмотря на саднящую боль в ноге, его обуревают нежность... Но Бенриб ещё не наигралась. Она выскользнула из его объятий, бросилась босиком в соседнюю комнату и через мгновение уже стояла перед ним на одном колене.

– Мой господин, ты забыл вот это... Примерь!

В руках у неё была двойная красно-белая корона «Владыки обеих земель», которую она протягивала своему «царственному супругу». Корона, изображавшая богиню Нохбет¹¹ в виде головы грифа и богиню Уаджит¹² в виде кобры, вставшей в боевую стойку: одна из небесных властительниц покровительствовала Верхнему Египту, другая – Нижнему. Конечно, настоящая корона была не из пластика, как эта, но и такой короны было вполне достаточно, чтобы выразить жене благодарность...

В отличие от Ахапова, Нина была коренной тверичанкой, родившейся в семье актёров местного театра. В свои неполные двадцать два она уже прослыла классным декоратором, специализирующимся на оформлении сцен, изображающих древность. Но три года назад ей пришлось бросить театр и профессию, ибо в её жизнь вторгся Василий. Она предпочла его и служебную квартиру в далеко нетеатральном городке. Однако через несколько месяцев Ахапов почувствовал, что жизнь домохозяйки была ей как кость в горле.

И вот теперь Нина преобразилась в творческом порыве: дом стал для неё желанной сценой, где она могла культивировать свои наклонности. Египетское прошлое мужа вдохнуло в неё свежую струю, если не жизнь. Она была счастлива!

Он принял подобающую осанку и возложил корону на свою голову, не стесняясь священной наготы. Бенриб обняла «царственному супругу» ноги... И вдруг вскрикнула, только теперь заметив его забинтованную ступню.

¹¹ Древнеегипетская богиня Верхнего Египта, покровительница царской власти.

¹² Древнеегипетская богиня-кобра Нижнего Египта, покровительница власти фараона.

Глава 4. Ещё один потерпевший

Наутро капитана ждал «сюрприз». Оказывается, недалеко от речушки, где он ночью охлаждал свою ногу, утром обнаружили раненого мужчину.

– Ну, чего скис? Раненый – это не труп! – начальник отдела Дятлов уже вставил зубы и теперь улыбался, как американский президент. – Поезжай и разберись, что к чему.

– У меня нога повреждена, бытовая травма.

Темнить с ногой Василий не имел права: такие дела закручивались, а его угораздило по-идиотски влипнуть с ней, да ещё тогда, когда нужны были напористость, как у танка, и скорость, как у хорошей гончей!

– Бытовая, говоришь? – Серёга набылчился. – Мне уже сообщили, где тебе ногу вправляли. И скорая тебя забрала как раз возле той самой речушки. Всё ясно? Или ещё нет?

– Так точно, еду, – машинально согласился Ахапов и тут же раскололся перед ним во всех смертных грехах.

Дятлову понравилось его раскаяние.

– Потерпевший – личность весьма известная, – он с нескрываемой усмешкой смотрел на Василия, умышленно оттягивая развязку. – Это Удав. И лежит он теперь в областной больнице! В Твери!

Ёжкин пень! Правая рука Бывалого – местного уголовного князька!

Вот уже лет пять, как этот князёк имел квартиру в Москве и несколько вилл по тверской губернии, в том числе и в областной столице. В Торжок он наведывался исключительно для удовольствия, так что Ахапову не приходилось с ним сталкиваться, не считая эпизодических драк в детстве: когда-то они жили на одной улице... Кличка князька – Бывалый. Удав – его опора и надежда. Капитан был наслышан о нём, но судьба до сих пор оберегала от неприятного знакомства.

И всё-таки что-то не клеилось. По слухам и оперативным сводкам, Удав был неплохим рукопашным бойцом, но тот человек, с кем Василий имел дело, был не просто отличным рукопашником. Он был мастером, причём не только в драке. С кем мог ассоциироваться его образ? С Бэтманом? С Терминатором? С другим супергероем? Не придумав ничего путного, капитан решил остановиться на Бэтмане – по крайней мере, выговаривать легче и быстрее.

Дятлов остался доволен произведённым впечатлением.

– Тебе повезло, что ты ещё без гипса обошёлся. Так что нет худа без добра. Но помни: как говорил Фирдоуси,

«лишь в разуме счастье, беда без него». Машина в твоём распоряжении. Докладывай, когда что-нибудь нароешь.

Пока полицейский «уазик» трясся на неровностях дороги, Ахапов решил перебрать письма Тихушника: вдруг попадётся что-нибудь стоящее? Но, судя по ним, этот человек больше заботился о разделе имущества с бывшей женой. Правда, в одном письме была приписка: «Скоро к вам зайдёт один мужик. Он на днях освобождается и передаст вам от меня, как я здесь живу».

К этому посланию была приложена записка: имя и адрес матери Тихушника, написанные его рукой, и чуть ниже, в жирной рамочке: «Поляков Вячеслав Петрович». Обычный эковский приём: записка будет служить опознавательным знаком. Видно, сердобольная мать Тихушника, получив её от Полякова, приколотла к письму сына – на память...

Уже после выезда с торжокской развилки на широкое шоссе появлялось ощущение, что дорога ведёт в богатый город: она была свежееасфальтирована, расчерчена разметкой ДПС и будто выглажена утюгом. Посёлочные дома и заборы выглядели всё наряднее и внушительнее, а «сталинки» в центре города заметно помолодели после капитального ремонта. Преобразилась

и набережная Степана Разина на берегу Волги. Но в Торжке трудились на фабрике торжокские золотошвеи! Был мужской монастырь. Сохранился деревянный храм Тихвинской иконы Божией Матери и Особнячок-гостиница, где останавливался Пушкин, когда ехал в Санкт-Петербург из Москвы или по этой же дороге обратно.

Проехали шлагбаум, остановились возле белокаменного здания, напоминающего заснеженный айсберг. Больница.

Удав был помещён в одноместную крохотную палату. Узкая койка. Деревянная перекладина на шнуре, свисающем с потолка, – чтобы больной мог цепляться за неё рукой. Капельница у изголовья. Тумбочка. В застоявшемся воздухе больше всего ощущались запахи гнили и дезинфицирующих средств. Под кроватью стояла трёхлитровая банка, в неё медленно стекала по катетеру кровавая моча. Заострённая синюшно-жёлтая физиономия раненого казалась маской мертвеца.

Василий мог поклясться, что не с этим мужиком он сцепился ночью во дворе Тихушника. Капитан уже знал, что Удав потерял много крови, задета почка. Больного беспрестанно колют, чтобы он отключался, но завтра с ним можно будет поговорить.

Ахапов попросил кокетливую сестричку в приёмном отделении, копирующую лицом и жестами певицу Мадонну, показать ему вещи, в которых раненого доставили в больницу. Чёрный плащ, свитер и майка были пробиты сзади чем-то острым. Ночной гость был в кожаной куртке.

– Откуда привезли раненого?

Её глаза расширились раз в пять по сравнению с первоначальным видом.

– Из Торжка. Он не захотел оставаться в районной лечебнице. Сам дозвонился сюда по мобильнику, когда пришёл в себя.

«И отвалил за перевозку хороший куш», – мысленно добавил Ахапов к её словам.

– Так что с ним случилось?

– Сказал, что упал спиной на железный штырь, торчавший из земли. Дескать, в темноте его не заметил. Оступился и упал.

Уже в машине капитан связался по мобильнику с Дятловым и доложил, что ночью дрался вовсе не с Удавом, а с каким-то другим профи, а также то, что отправляет вещи Удава на экспертизу.

– Действуй! – одобрил Серёга. – Кстати, есть кое-какие данные. На ноже ни единого отпечатка, чистая работа.

Василий не сомневался в этом с самого начала. Иначе бы нож не оставили на месте преступления.

– Алё? Ты на связи?!

– Слушаю, товарищ майор.

– Монах ни в каких картотеках не числится, личность пока не установлена.

Капитан выключил телефон и несколько секунд сидел в машине неподвижно. Значит, Удав стоял за калиткой и караулил ночного визитёра в дом Тихушника. Они столкнулись, после чего Удав оказался в больнице... Другое на ум просто не приходило.

Интересно, что и с кем не поделил Тихушник? Чем промышлял в последнее время?

– Куда едем? – нетерпеливо спросил водитель.

Василий взглянул на часы: было около двенадцати.

Значит, можно успеть навестить Жору. Заодно поинтересоваться, как продвигается его обучение разным колдовским штучкам типа телепортации и чему-нибудь ещё в этом роде.

Глава 5. Первая зацепка

Морг есть морг. Небольшое здание полуподвального типа, оштукатуренное и покрытое известкой, кое-где в брызгах грязи. Рядом с ним – кучка молчаливых заплаканных людей в чёрном. Жидкие деревья вразброс, покрытые мелкой угасающей листвой.

Василий знал нюансы Жориной службы, поэтому почти с порога бросил как можно бодрее:

– Привет работникам мясной промышленности! – И добавил, подозрительно прищутив глаз: – Слушай, а это не ты случайно телепортировался сюда ночью и покойному монаху пожал руку?

Патологоанатом кисло улыбнулся, заметив с серьёзным видом, что он ещё не такой спец в вопросах телепортации. Но понемногу начал оживать: внезапное появление Василия всегда действовало на него благотворно.

– Во дворе видел родственников? – спросил Жора. – В бархатном кашне, этакая вальяжная дама с чёрными волосами, сестра Тихонина, или как ты его называешь? Тихушник? В общем, поговори с ней. Уж очень зла на покойную.

Капитан подошёл к вальяжной мадам, осторожно взял её за локоть.

– Я из уголовного розыска, – представился тихо. – Давайте отойдём в сторонку.

Завернули с ней за ближайший угол морга. Василий выразил ей соболезнование, начал задавать вопросы. В её глазах не было ни слезинки. Губы поджаты, да и во всем облике ощущалась зажатость, будто вся она превратилась в сдвинутую пружину. Плакать она будет потом, а сейчас в ней бушевали лишь обида и ненависть.

– Я всегда этой гадине говорила, чтобы она оставила моего брата в покое! Столько лет с ней вой ну вела...

Её перебил суматошный крик.

– Ну что, добились своего? Добились? И ещё мою дочь позоришь? Да я тебя... – костлявая старуха, по-видимому, мать Кликухи, налетела на Тихонину, стараясь вцепиться ей в волосы.

Ахапов втиснулся между женщинами.

– Уголовный розыск, – пытался утихомирить их, размахивая своим удостоверением, поскольку был не в полицейской форме.

– Что мне твои бумажки?! – набросилась старуха на него. – Ты мне дочь воротишь, а?! Воротишь?!

Она порывалась сказать что-то ещё, но, не выдержав, затряслась в рыданиях.

Жора подхватил несчастную под руку, потащил за угол – кажется, спросил, в какую одежду обрядить умершую.

Тихонина шумно дышала, тщетно пытаясь успокоиться, наконец, достала дрожащими пальцами валидол из сумочки.

Положив таблетку под язык, заговорила картаво и замедленно:

– Вчера часов в пять вечера Вадик мне позвонил... Такой весёлый был. Радостный. Сказал, что ему повезло. Дескать, какой-то человек приезжий, из Твери, хочет у него что-то приобрести. Очень древнее... Вадик надеялся хорошие деньги получить. Ему эту вещь Кликуха дала на продажу.

Прямо над ними вдруг резко закаркали пролетающие вороны, заставив их вздрогнуть от неожиданности. Ахапову показалось, что женщина в кашне сжалась ещё больше. И провожала ворон таким взглядом, словно провожала не птиц, а своё собственное будущее.

– Придётся пообщаться и с родственниками погибшей, – сказал Василий извиняющимся тоном. – Мне нужны любые детали по этому делу. Всё-таки у нас два трупа.

Капитан уже знал, что сказать матери Кликухи.

– Следствию очень важно найти человека из Твери, знакомого вашей дочери, который хотел что-то приобрести у Тихонина, – Василий старался при тянуть её взгляд к себе, но тщетно. Бросил козыри: – Есть подозрение, что преступник убрал Вадима и вашу дочь как ненужных ему свидетелей. Это одна из официальных версий.

Мать Кликухи раскрыла дрожащий рот, вцепилась в Василия умоляющими глазами.

– Это правда?! Моя дочь не виновна?

– Скорее всего, дело в той самой вещи, которую она хотела продать.

Старушка залилась слезами, попыталась его обнять.

– Я помогу... помогу следствию! – прорвалось сквозь судорожные всхлипы.

Глава 6. Убийцу монаха искал не только Ахапов

Человек, на которого ночью во дворе Тихушника напал Ахапов, был заинтересован не меньше, чем Василий, в том, чтобы разобраться в ситуации и выяснить, что здесь произошло на самом деле. Назовём его Виктором, хотя бы потому, что это имя восходит к богине Победы – Виктории, а он привык выходить из схваток победителем. И человек этот принадлежал тайному Братству, о котором мы расскажем позднее.

Монах был его давний товарищ, он владел малоизвестными славянскими боевыми системами, корни которых уходили в глубину веков, и обладал очень чувствительной сенсорикой. То, что произошло с ним, было весьма странным. Он должен был уловить своих преследователей и убийц по запаху, по излучаемым волнам агрессии, по враждебным биополям и ещё по многим признакам, которыми владеет профессионал такого уровня. По его следам и шла теперь группа, чтобы отыскать убийц и выяснить, что они забрали у него.

Виктор и Христофор – два боевых товарища – ехали в «ауди» и обсуждали полученные сведения.

– Моя версия такова. Если у Монаха они нашли не то, на что рассчитывали, то должны были проверить продавца вещи и поставщицу на предмет утайки подлинника. Ну, и отомстить, конечно, могли тоже.

Виктор закрыл глаза, представил лицо Куратора. Оно всегда было в маске – для особой секретности. Виктору оно представлялось продолговатым, несколько костлявым, но с хваткими глазами и благородным рисунком ноздрей и губ.

«Как продвигаются поиски манускрипта? Что нового удалось узнать?» – поинтересовался Куратор, войдя в контакт. Общение могло идти в нескольких вариантах: голосовое, в виде СМС и мысленное. В данном случае они передавали друг другу мысли, выведенные на экран мобильного телефона как СМС.

«Ищем убийцу Монаха».

«Что ещё?» – допытывался Куратор.

«Я считал информацию с чипа Монаха. До последнего мгновения он не знал, что его настигает убийца. На мозг Монаха было оказано сильное воздействие, которое отшибло всю его интуицию, подавило чутьё. Он словно оглох, ослеп и потерял нюх. Не в обычном, конечно, смысле».

«Считаете, что здесь снова проявили себя наши недруги? Использовали “Туман”?»

«Так точно. Он отшибает обострённое восприятие опасности. Возможно, диктует какой-то приказ, который тут же воплощается в действие. Причём влияние происходит с расстояния примерно в пятьдесят метров, иначе Монах почувствовал бы приближение врага».

«„Туман“ оставил следы своего применения?»

«Да. Очень тонкую оболочку, невидимую простым глазом, которая обволакивает голову потерпевшего. Формой она похожа на резиновую шапочку пловца. Толщина измеряется в долях микрона. Я обнаружил и увидел это в море с помощью прибора. В такой оболочке был затылок Монаха».

«Собирайте дополнительную информацию. Мы должны знать об этом приборе абсолютно всё. Желательно заполучить его, и как можно быстрее», – Куратор отключился, и его изображение погасло.

Монах тоже общался с Куратором, и за час до своей гибели успел передать, что нашёл искомую вещь и уже приобрёл её, выложив столько денег, сколько запросил продавец. Куратор тут же сделал переброску людей, задействованных в операции, чтобы осуществили силовую поддержку Монаху. И мягко пожурил его, поскольку тот рисковал, взявшись за дело в одиночку.

«Да ведь упустили бы вещь! – взмолился инок. – Продавец намекнул, что есть и другие покупатели». Поэтому и пришлось идти на такой риск. Потом на связь он уже не вышел, и Куратору стало понятно, что случилось нечто экстраординарное. И ещё было ясно, что на «хвост» Монаху сели те «гончие», которые считались их основными врагами. Если бы это были обыкновенные мокрушники из уголовного мира, столь секретной и сложной техникой они бы не обладали.

Куратору уже поступали сигналы от бойцов других групп о новинке в стане врага. По имеющимся сведениям, прибор посылал на расстояние до ста метров шар неизвестного поля, которое экранировало мозг человека, прекращая в него доступ информации. А это была строго избирательная информация – та, что несла сведения об опасности, угрожающей человеку. Прибор получил кодовое название «Туман». К основному заданию каждой из групп, разумеется, подкинули и дополнительное – доставить на главную Базу образец нового вражеского оружия.

Проехав с десятков километров, «ауди» остановился. Виктор и Христофор вышли поразматься.

Бывшие спецназовцы, Виктор и Христофор сумели попасть в поле зрения сотрудников организации, члены которой называли себя «Хранителями Устоев». Эта структура была настолько законспирированной, что прежде ни Виктор, ни Христофор о ней и не слышали. Отбор туда был посерьёзнее, чем в спецназ. Пополнив её ряды, они служили теперь на благо не только России, но и всего человечества.

Они не только не растеряли приобретённых ранее навыков и умений, но и значительно углубили их. Пребывали в отличной форме, постоянно тренируясь и совершенствуясь, и это было видно сразу, стоило только на них взглянуть. Но эти парни не были неповоротливыми тяжеловесами и тугодумами, а напротив, необыкновенно смышлёнными и лёгкими на подъём. Возраст у каждого из них подходил к тридцати пяти, и это была та зрелость, которая выигрывала во всех отношениях в сравнении с зелёной молодостью.

Внешне Виктор и Христофор были удивительно похожи, хотя Виктор был пепельным шатеном, а Христофор рыжеватым блондином, но у обоих на лицах, да и на всём облике лежала печать системы, которой они отдавали лучшие годы жизни. И ещё – печать талантливости.

Если бы сейчас они были в тренировочном лагере, то устроили бы стрельбу в стиле «флэш». Стреляли бы по множеству мишеней, расположенных в пяти-семи метрах от них, лёжа, в кувырках и в падении, словом, имитируя живую обстановку реального боя. Но здесь пришлось просто сделать по несколько обычных упражнений для тела, после чего они вновь сели в машину и поехали на конспиративную квартиру, где должны были встретиться с другой группой своего Братства. Коллеги, кажется, нашли нужный адрес.

Глава 7. Бабка Марья

Капитан поднимался в горку по асфальтовому зигзагу, ведущему прямо к церкви. Среди яркого солнца вдруг посыпался дождь, быстро превращаясь в град. Белые бусины торопливо летели на землю. Некоторые из них сталкивались в воздухе, рассыпаясь сверкающими брызгами. Ледяная крупа, крупная и мелкая, быстро покрывала траву и асфальт. И последние метры до паперти Василий уже шёл, будто по тополиному пуху.

Отпевальный обряд подходил к концу. Ахапов остановился возле иконы, стал зажигать свечу. Своего ночного гостя он, конечно же, здесь не увидел. Бегло осмотрел кучку провожающих: в основном, ребяшня да ржевские старухи. Несколько мужчин, соседи по улице, переминались с ноги на ногу, явно соскучившись по привычной чарочке «за упокой». Когда люди засуетились, собираясь поднять гроб, Василий протиснулся к сестре Тихушника. Спросил о Полякове.

Она посмотрела с недоумением:

– Разумеется, мне этот человек знаком. Но так он же умер года два назад! От туберкулёза! Его потому и вы пустили досрочно, что он болел!

Чтобы не фиксировать её внимание на явном проколе, капитан поинтересовался, не подозревает ли она кого-нибудь, кому Тихушник мог стать поперёк дороги. Она энергично качнула головой, выражая отказ, и присоединилась к траурной процессии, покидающей церковь.

Тускло горели свечи, пахло ладаном и елеем. Волнующие запахи, священный полумрак... Василий почти ощущал знакомый дух египетских храмов. Ему даже показалось, что если он углубится в золочёные воротца в стене, то попадет к главной культовой статуе бога Пта и увидит священную ладью, на которой жрецы выносили эту статую к народу.

К нему подошёл поп.

– Бабка Марья, Мария Прокофьева, видела, как на кануне незнакомый инок вышел из дома покойника, которого только что отпели. Поговорите с ней. Правда, всегда навеселе... Но словам её верить можно.

Надо же! Сообщения дали на местное радио, телевидение, в газету – ни одного звонка по поводу монаха. А попу уже выложили. Выходит, церковь сейчас пользуется большим доверием, чем власть? Знаменательная примета времени!

Кого-кого, а бабу Марью в полицейском управлении знали как облупленную. В прежние годы она была любимым персонажем местных анекдотов, ибо в «вытрезвильнике», куда довольно часто попадала, что-нибудь да отмачивала. То на своего мужика с кулаками бросалась, то вдруг яростной христианкой становилась. Бухнется на колени и завывает благим матом:

– Спаси-и, Госпо-одь, рабу тва-а-ю пья-а-ницу-у!

Или кланялась всем в ножки и прощения просила.

Бабу Марью Ахапов встретил прямо у дороги, не успев отойти от священных врат и на двадцать шагов. Она вышла из дома Тихушника.

– Все там, – капитан показал глазами на толпу во дворе дома, – а вы уходите.

– Да платок обронимши где-то... Найду и вернусь. – Она помедлила, почуяв служебный интерес к своей персоне.

– Кто у Вадима был в тот день? Не видели?

– Как жеть, видела. Я мимо его палисадника в горку шла поздним вечером, уже стемнело. Вдруг ихняя дверь открывается, и выходит какой-то монашек, статный, не старый, и вроде как лицо у него довольное. Я ему: «Здравствуйте, отче», – и поклонилась пониже. А он на меня и не смотрит, прошёл себе молча.

«Не наш ли монах был у Тихушника? Не он ли и есть тот самый человек из Твери, который купил древнюю вещь?» – поразился своей догадке Василий, поскольку в таком случае все три убийства складывались в одну цепь.

– А что Вадим? – спросил Ахапов.

– Ничего. Вслед ему посмотрел. И дверь захлопнул.

– А в руках у монаха ничего не было?

– Вроде нет.

– Ещё кого-нибудь видели у Тихонина? Никто от него больше не выходил?

Бабка махнула морщинистой ладошкой.

– Грех на душу не возьму. Ничего про других не знаю. Не обессудь, милоч.

А сама-то – кожа да кости, как больная рабыня, которая уже в тягость хозяину.

Внезапно Василия поразила мысль: он ничего не знает о том, как с пьющими женщинами поступали в Египте. Он был осведомлён, что его лучшие виноградники находились в дельте Нила, что вина готовили из фиников, сока пальм, винограда, даже из плодов гранатовых деревьев, и вина были доступны лишь богатым. Он знал, что его подданные готовили отменное пиво из ячменя и пили из кубков через деревянные или золотые трубочки... Вино же чаще использовалось для возлияния на алтари богов – как кровь побеждённых врагов, которые осмелились бороться против всевышних. Благочестивые люди пили его умеренно и только в соответствии с предписаниями жрецов.

Если ему удастся ещё хоть раз побывать там, то он продиктует особый указ, посвящённый пьющим женщинам. Он помнил, как поступали в Египте с изменившей женой: отнимали её законное имущество в пользу обманутого мужа. Скорее всего, с пьющими женщинами он поступит иначе: придумает им какую-нибудь полезную для общества работу. И только выполнив определённую дневную норму, они будут получать, как бабка Марья, свою заветную награду – кувшинчик с вином. И тогда, возможно, им это зачтётся на великом суде, где несчастным будет вынесен приговор богов в зависимости от того, в какую сторону качнутся чаши весов.

А чтобы они всё же отвыкали от пагубной привычки, делающей их посмешищем для окружающих, он велит им повторять во время питья слова: «Да не придётся мне питаться отбросами, да не придётся мне пить грязную воду, и пусть я никогда не споткнусь и не упаду...» Слова из «Книги Мёртвых».

Капитан уже давно понял: как Жоре нужен он и различные псевдознания, так ему нужны мысли о Египте, чтобы не чокнуться в окружающем мире, в котором было слишком много такого, на что совсем не хотелось смотреть. И, если бы этого Египта не было в прошлой жизни Василия, он бы себе его наверняка придумал сам.

Ну, а что касалось следствия, то на данный момент всё замкнулось на таинственной древней вещи, которую принесла Тихушнику Кликуха и которую купил монах. Из-за этой вещи в городе было три трупа! И убийцы, разгуливающие на свободе!

Глава 8. Охота на Бэтмана

На улице стемнело, хотя ещё не было и восьми часов вечера. Небо оккупировали злое-чёрные облака. Хлещущий то с одной, то с другой стороны ветрище с яростью бросал в лицо мелкие капли дождя. Создавалось ощущение, что плывёшь на ветхом корабле, и вот-вот должен разразиться шторм, который вдребезги расшибёт твоё утлое судёнышко.

В подъезде дома изо рта валил пар, в ноздри бил острый запах давно не вывозимого мусора.

Группа захвата – шесть человек – приближалась к квартире, в которой скрывался предполагаемый преступник. Трое отправились в лифте на последний, девятый этаж, чтобы затем спуститься по лестнице вниз. Трое других, среди них и Ахапов, – поднимались пешком. На седьмом этаже они встретятся с первой группой, чтобы действовать совместно. Один оперативник остался у входа в подъезд, ещё один – с противоположной стороны дома, где он будет наблюдать за окнами. Кроме Ахапова все остальные были тверичи, его коллеги. Операция по захвату проводилась в Твери, на Зелёном проезде, что неподалеку от рыбного комбината. Был воскресный день. Ахапову предстояло утром в понедельник встретиться с Удавом, а Нине захотелось навестить родителей в Твери, поэтому они вдвоём и приехали в Тверь в выходной день. И хорошо, что приехали! Потому что Василия неожиданно разыскали по телефону и дали адрес, куда следовало приехать: он понадобится для опознания, если Бэтмана схватят.

На след предполагаемого преступника навела мать Кликухи. По этому адресу в Твери проживала женщина, к которой Кликуха довольно часто навещалась. За домом установили наблюдение и зафиксировали приход неизвестного, похожего по описанию на Бэтмана. Никакими новыми сведениями следствие не располагало, складывалось впечатление, что либо этот человек ещё не попадал в ловчие сети органов охраны правопорядка, либо прибыл издалека и не успел засветиться.

Василий, конечно, допускал мысль, что Бэтман вовсе не уголовник. Далеко не заурядная подготовка, умение замечать следы, звериное чутьё... Тут, право, было над чем задуматься! Особенно, если вспомнить, что он просто подарил Ахапову жизнь, отпустив на все четыре стороны! С чего бы такое великодушие?

Возле двери под номером 98 Василия ждали братья Замковы. Оба брата уже пережили в старлеях, а внешность явно позаимствовали у Шварценеггера. С верхнего этажа по лестнице спустилась и лейтенант Свиридова, которая должна была изображать работницу управляющей жилищной компании – это чтобы хозяйка квартиры открыла дверь.

Недолго постояли, прислушиваясь к музыке, доносящейся из-за двери. Свиридова утопила пальцем кнопку звонка. Василий с Колей замерли вдоль стены, а оба брата Замковых присели слева от двери на корточках, приготовив оружие к бою.

Наконец, послышался высокий женский голос, то ли сонный, то ли нарочито протяжный:

– Кто... та-а-м?

– Из управляющей компании! Откройте, мы состояние газовых труб проверяем, – гулко проговорила Свиридова, приблизив лицо к «глазку», через который её наверняка пристально разглядывали.

– Подождите немного... будьте любезны... Надо музыку... выключить, а то ничего не слышу...

Когда дверь наконец-то открылась – за это время можно было не только музыку, но и свет во всём многоэтажном доме вырубить! – группа ввалилась в квартиру, едва не сбив хозяйку с ног. Каждый ждал себе пулю в грудь. Тверичи на этот случай были в бронежилетах, поэтому шли первыми. Но в квартире никого не оказалось, кроме самой хозяйки. Ахапов вбежал на кухню и ощутил упругие волны ветра, которые колебали плотно задвинутую плюшевую пор-

тьеру. Отдёрнул её, держа наготове пистолет. Окно было открыто. Куда же этот тип делся, чёрт его дери? Не улетел же он, в самом деле?!

– Мальков! – крикнул Василий в темноту коллеге, который должен был стоять внизу.

В ответ – молчание. Младший Замков уже помчался вниз, надеясь перехватить беглеца, да и своим помочь, если понадобится. Его брат обнаружил какую-то мужскую одежду, нагнул портфель тряпьем, обработал стекляшки с неубранного стола – молодец, хоть отпечатки пальцев теперь будут. Оставив его в квартире, Ахапов побежал вслед за тверичами.

Женщина стояла перед его глазами, как вспышка света – мучительно и неотвязно. На щеках ямочки, нос вздёрнут, волосы длинные, слегка волнистые, цвет – светлого янтаря. Брови густые, красиво изогнутые. Глаза чётко очерчены, испуганные, но в то же время какие-то странные. Ей лет двадцать пять, против Кликухи совсем ещё девочка. Недурна собой, и рост ничего, и фигура – шелковый халат заманчиво облегал соблазнительные выпуклости. Со вкусом у Бэтмана явно всё в порядке... Впрочем, а кто сказал, что между ними что-то было? Да и с ней что-то не так... Какая-то вялая. И глаза странные.

Ахапов выскочил на улицу. Никого. Бросился к следующему подъезду, смутно припоминая, что слышал звон разбитого стекла с обратной стороны дома. Если бы этот супермен вломился в чью-то квартиру в подъезде своей девочки, то весь полицейский наряд был бы тут. Значит, он умудрился попасть в квартиру другого подъезда. Теоретически вполне мог!

Кухонные окна этого вертикального ряда, как оказалось, соседствовали с окнами квартир из другого подъезда. Но для того, чтобы дотянуться до нужного окна, надо было обладать поистине нечеловеческой ловкостью. Седьмой этаж, стена без всяких архитектурных излишеств, за которые можно было бы зацепиться для страховки! Зато расчёт точен: в следующем подъезде нет оперативника. А пока добегут, уже будет поздно: любой хозяин с радостью выпустит вооружённого пришельца, лишь бы тот его не тронул.

Выяснилось, что Василий угадал действия Бэтмана. Из соседнего подъезда выскочила вся тверская подмога Ахапова. Рассредоточились, разбежались по заранее обговорённым маршрутам. Василию следовало проверить трамвайное кольцо, что он и намеревался сделать.

В огромном городе легко раствориться в темноте. На месте своего знакомого Василий спокойно отсиживался бы где-нибудь в укромном уголке, например, поджидая трамвай, или притаился бы за забором рыбного комбината. Или не спеша шёл бы по улице, насвистывая песенку. Что может быть проще! На такого человека мало кто обратит внимание. Бегут за движущейся целью!

Сидящий на лавочке человек показался Василию подозрительным: весь сгорбился, будто укрывается от ветра, лицо спрятал за поднятым воротником куртки. На платформе лениво стоял трамвай, скупо освещённый и с раздвинутыми дверцами. Вожатая вышла поправить стрелку рельсов.

Капитан наклонился к мужику.

– Закурить не найдётся?

И тут же получил строго дозированный удар промеж глаз. Ещё чуть-чуть – и ему бы крышка, прямая дорожка в Жорино заведение... Пока Василий тряс головой в полном тумане, человек прыгнул в трамвай, и тот отчалил со звоном, словно только его и ждал. Вот так встреча!

Глава 9. Натали

Льда бы побольше! Или хотя бы ком снега на переносицу! «Много хочешь!» – ехидно сказал сам себе Ахапов и, вынув из кармана куртки телефон, связался со старшим группы. Пришлось сознаться, что упустил преступника.

– Ладно. Трамвай перехватим, – ответил старший, выразительно крикнув.

Но когда трамвай настигли, выяснилось, что задолго до остановки преступник потребовал, чтобы вожатая открыла дверцу, и выскочил прямо на ходу. Где его теперь искать?!

Ахапов чувствовал, что подвёл коллег. Он, как ему казалось, неплохо понимал психологию преступника и предугадывал его действия (не все, конечно), но что касается реакций и интуиции... Там они были просто запредельными! Ахапов такими, по-видимому, не обладал...

Чем холоднее и порывистее был ветер, тем приятнее делалось разгорячённому лицу. Василий запыхался, голова гудела, как ветер в печной трубе, а вот ногу он почему-то не чувствовал. Сначала жутко болела. Каждый раз, когда Василий на неё наступал, ему казалось, что он методично стучит голой подошвой по жалу острящего кинжала. А теперь – будто этой ноги и не было вовсе. Наверное, он её здорово промочил, натываясь на лужи в темноте.

Через полчаса Василий уже снова находился на захваченной оперативниками квартире. Младший Замков беседовал с хозяйкой. Ахапову не хотелось, чтобы она видела, как под его глазами всё более сгущались багровые круги. Он стоял на кухне и отмачивал свою переносицу ледяной водой из-под крана, но слышал каждое слово. Подкованная девочка! Пришла, наконец, в себя!

– С какой это стати ваши люди позволяют себе обыскивать мой дом? – наступала она на Замкова.

– Мы вам предъявили удостоверения...

– У вас нет ордера на обыск, – перебила она. – И потом, с чего это вы взяли, что я принимаю у себя преступников? Более того, почему вы решили, что у меня вообще кто-то был?

И тут Ахапов вдруг понял, что его смутило в её глазах и поведении во время штурма квартиры. Она находилась под каким-то воздействием, повлиявшим на сознание! И сейчас была абсолютно искренна! И говорила без всякой фальши и лукавства. В её представлении в квартире никого не было – она уверена в этом так же, как Василий уверен в своём египетском прошлом. Интересно, этот тип по совместительству ещё и мастер мгновенного гипноза?!

Стараясь не повышать тон, Замков сообщил ей, что человек, побывавший в её квартире, подозревается в ряде убийств. Ахапов представил, как она нетерпеливо поигрывает кончиком пояса на своём халате с японскими драконами, презрительно и осуждающе надув губы.

– Да что вы ко мне пристали! – простонала она, почти выйдя из себя. – Не было у меня никого! Говорю же вам, не было!

– Боюсь, как бы ваше прозрение не оказалось слишком поздним, – оперативник вздохнул, и Ахапов услышал, как он подвигает к ней лист протокола. – Распишитесь здесь. И вот здесь. Кстати, я посоветовал бы вам почитать Мольера, особенно комедию «Тартюф, или Обманщик».

– А вы почитайте хотя бы Солженицына, – устало парировала она.

– И вот что ещё, – бесстрастно продолжал Замков. – Если захотите добавить что-нибудь по поводу Галины Кликухиной или по поводу сегодняшнего инцидента, позвоните по этому телефону... Постарайтесь запомнить цифры – мало ли что.

Под самый занавес Василий решил всё же появиться в комнате.

– У нас к вам просьба, – сказал он Наталье, краем глаза разглядев её имя в протоколе. – Проверьте, пожалуйста, не исчезло ли в доме что-либо из ваших вещей.

– Я уже смотрела. Вроде всё на месте.

– Это может всплыть позже. Хватитесь, допустим, какой-то вещи, а её нигде не окажется. Или внезапно вспомните, что была какая-то необычная вещь, подаренная близким человеком.

– Или, например, доставшаяся вам по наследству, – вставил Замков, уловив мысли Ахапова.

– Словом, обнаружив любую пропажу, даже если это, на ваш взгляд, абсолютная ерунда, мелочь, не имеющая никакой ценности, сообщите нам, – закончил Василий, положив на стол ей свою визитку.

Бросил вопрошающий взгляд на Замкова – нет ли возражений? Всё-таки хозяева здесь тверичи! Замков и ухом не повёл, заварушка-то началась в Торжке, оттуда след идёт, там найдены трупы.

Наталья кивнула с отрешённым видом.

– И ещё. Скажите, что вы делали, когда услышали наши звонки в дверь?

– Очнулась в кресле, вот здесь, – Наташа показала рукой на простенькое мягкое кресло-качалку, какие уже давно не изготавливались фирмами и могли достаться только от родственников как память. – Я даже и не за метила, когда уснула в нём и вообще когда в него села. И музыку не помню, чтобы включала... Да ещё так гром ко. В общем, сама не пойму, что со мной было.

Ахапов вызвал на связь старшего группы.

– Нужна экспертиза психиатра, – сказал он. – Можно это организовать прямо сейчас?

– Попробую выяснить, – пообещал старший.

Копаясь в своей памяти, Василий смутно пытался понять, кого эта женщина ему напоминала. Может быть, красавицу Мут, богиню-мать, жену Амона? Этот бог плодородия являлся покровителем Фив – города, где часто гостил Василий в своём египетском прошлом, поскольку там была родина его матери. При XI династии фараонов Фивы станут столицей Египта, и Амон постепенно начнёт перевоплощаться в солнечного бога и бога-творца, чтобы в свой звёздный час сделаться таким же могущественным, как Пта. А может быть, Натали была похожа на какую-то другую богиню? Или вовсе не на богиню, а на земную женщину?

Глава 10. «Божий одуванчик»

Тайная организация, которая называлась «Братство Хранителей Устоев», сумела привлечь в свои ряды талантливых разработчиков и создателей всевозможных технических устройств, облегчающих работу её следопытам. Одной из таких полезных штучек был прибор «УА» («Уловитель ауры»), улавливающий особые выплески энергии, которые испускает мозг убийцы в момент совершения убийства.

Люди давно уже привыкли к тому, что в мобильнике есть сканер, который, сфотографировав какое-то изделие, продукт или объект природы, например, лист дерева или цветок, и поискав соответствие в нейросети, выдаёт информацию об этом предмете. Примерно такой же принцип действия был заложен в работе «Уловителя ауры», только база нужных данных была доступна лишь членам Братства.

Этот прибор давал возможность отыскать, в принципе, любого убийцу, обнаружив в его ауре характерный для убийцы «след». А уж человека, принёсшего смерть члену общества «Хранителей Устоев», – гарантированно.

Учёные давно пытались зафиксировать ауру человека, уловив его энергоинформационную структуру. В двадцатом веке этим занимался даже знаменитый сербский гений-изобретатель Никола Тесла. Его последователями стали многие учёные мира, в том числе и советские. В частности, Семён Давыдович Кирлиан, создавший прибор, позволявший исследовать в электромагнитном поле свечение, испускаемое объектами (живыми и неживыми). Это свечение получило название «Кирлианова аура». Позже над этой проблемой работали профессор Константин Георгиевич Коротков и другие специалисты. Эти разработки и легли в основу создания «Уловителя ауры».

Как известно, энергетический след, оставленный человеком, по истечении определённого времени быстро рассеивается. Для того, чтобы след убийцы сохранялся, учёные «Хранителей Устоев» придумали способ, позволяющий «закреплять» энергетические следы убийц, охотящихся на членов Братства, для чего бойцам вживлялся в предплечье незаметный чип, разработанный учёными «Хранителей Устоев». И тогда в момент насильственной смерти бойца это крошечное устройство запоминало ауру убийцы, опознав в его энергетической структуре характерный выплеск эмоциональной энергии, выпускаемый убийцей непроизвольно.

Причём радиус, позволяющий чипу фиксировать ауру убийцы, составлял около ста метров. Ну а если убитый человек не был членом Братства, то энергетический след его убийцы мог исчезнуть очень быстро, особенно на открытой местности в ветреную погоду. А в закрытом помещении он держался в течение нескольких суток, иногда до девяти и даже до четырнадцати, правда, день ото дня всё слабей.

Кроме ауры убийцы, чип, вживлённый в тело, мог хранить мысленное послание бойца, покидающего этот мир, и даже образ убийцы, если боец успевал его увидеть. Монах убийцу не увидел...

Информацию с чипа или с местности, если она ещё на ней сохранялась, прибор «УА», выделив и считав, отправлял специалистам Братства. Величиной «УА» был со спичечный коробок. Именно таким прибором и пользовался Виктор, побывав на месте убийства сначала Монаха, затем Тихушника и Кликухи.

А в морг Виктор пробрался к Монаху, во-первых, чтобы попрощаться с ним, а во-вторых, чтобы изъять чип. Разрез на предплечье быстро затянулся благодаря специальному клею, который бойцы Братства использовали для заживления ран.

Чип был очень полезным изобретением. С его помощью члены братства могли общаться друг с другом мысленно, это было особенно важно, если другой вид связи был невозможен. Для мысленной связи нужно было представить как можно ярче образ соратника, с кем необходимо

было связаться, и контакт устанавливался. Чип регистрировал нейронные сигналы, которые испускал мозг. Далее с помощью смартфона сигналы интерпретировались и обрабатывались искусственным интеллектом, после чего поступали к адресату в виде СМС на экране смартфона, голосового сообщения или непосредственно мысли. В последнем случае мысль должна была быть предельно краткой, лучше всего в виде одного-двух слов – учёные ещё дорабатывали этот вариант связи, считая его наиболее перспективным и эффективным, но сложным в техническом решении.

Благодаря такому чипу всегда можно было найти любого члена Братства.

Но вернёмся к нашим героям.

Когда двум противоборствующим организациям удаётся напасть на след предмета, который ищут и те, и другие, то столкновения на поле брани неизбежны. И каждый из конкурентов стремится избавиться от соперника, чтобы стать единственным обладателем ценности. А конкурентами у «Хранителей Устоев» были «Вершители Судеб» – кучка жрецов, обладающих огромным воинством и ещё большими амбициями, ибо эти господа хотели влиять на судьбы людей всего мира.

Выслушав доклад Стефана по телефону прямо в машине, Виктор дал ему соответствующие указания. Стефан и Михаил «пасли» дом Кликухи. Оба парня находились в подчинении у Виктора. Стефан был здоровяк. Весь в буграх мускулов, в глазах – самоуверенность бойца, знающего себе цену. Свои налитые кулаки он готов был пустить в ход по любому поводу, но чувство ответственности, чрезвычайно развитое в нём, удерживало его от необдуманных поступков.

Михаил походил на скрипача: всё тело вытянутое, особенно пальцы, и лицо будто специально сплющили на щеках. Его так и прозвали – Паганини. Но как раз таки он в этой паре, несмотря на своё субтильное телосложение, был лучшим рукопашником. Впрочем, и снайпером тоже. Поскольку относился к редкому физиологическому типу людей с очень устойчивой и одновременно мобильной психомоторикой.

Кликуха имела свой дом на окраине Торжка, доставшийся ей от покойного мужа. Её мать жила отдельно, на другом конце города. Последний раз Галина заезжала к матери за месяц до своей смерти, так что по тому адресу искать свиток было бесполезно. А вот дом Кликухи стоило проверить. «Вершители Судеб» тоже это поняли и нагрянули сюда ночью. Товарищи Виктора уже знали, что в доме свитка нет, но их конкуренты хотели убедиться в этом сами. А «Хранителям Устоев» важно было увидеть врага в лицо.

Когда «газель» с надписью «Аварийная» остановилась на соседней улочке и вылезшие из неё двое мужчин, одетых в рабочие робы, пошли по дороге к дому, где когда-то жила Кликуха, стоящий на стрёме Стефан включил прибор «УА». Тот неслышно завибрировал и через несколько секунд выдал информацию. У «гостей» оказалась та самая аура – убийцы Монаха, особенно ярко у одного из них. Выяснив это, бойцы Братства «Хранители Устоев» знали, как действовать дальше.

Их враги были в спецовках с надписью «Горэнерго». На голове у каждого – чёрная шапочка, скорее всего, скатанная балаклава, – в случае необходимости можно было быстро спрятать лицо. Ещё один «гость» остался за рулём «газели» – щупленький старикан, как показалось Михаилу, да ещё в массивнейших очках.

Первый оторвался от второго и вскоре пробрался к палисаднику. У него была выправка и сноровка военного. Второй, чернобородый, облюбовав себе место возле палисадника, подстраховывал взломщика, наблюдая за обстановкой.

Улочка освещалась весьма скудно. В соседских домах, тоже одноэтажных, похоже, жильцы уже спали. Прислушиваясь к звукам ночи, где преобладали трели сверчка и мелодичное пение жаб, взломщик осторожно поднялся на ноги перед тёмным окном. Рама в нём была

большая и не закрытая решёткой. К тому же погода стояла ещё достаточно тёплая, и второй рамой хозяева не пользовались, её установят позже, ближе к зимним холодам.

Взломщик легко и почти бесшумно открыл створку рамы, используя стеклорез, быстро влез в комнату, задвинул шторы и, очевидно, включил фонарь. Стефан, залёгший в палисаднике, стал незаметно продвигаться ближе к окну. Михаил неслышно забрался на ветвистую липу, росшую на участке соседского дома, стоявшего через дорогу чуть в стороне от дома Кликухи. Отсюда он мог спокойно наблюдать за всем, что происходило возле фасада её дома. Совершенно скрытый мощным панцирем листвы и извилистыми толстыми ветвями, он готовился к выстрелу по мишени – второму номеру, как он определил для себя бойца «Вершителей Судеб», прикрывающего взломщика, проникшего в дом, и третьему – очкарику в «газели», которую он видел хорошо со своего дерева... В руках у Михаила была мини-пушка – ручной вид оружия, стреляющего энергетическими сгустками. Это была тайная разработка учёных Братства, о которой мы расскажем чуть позже.

В тишине вдруг раздалось кошачье завывание, перемежающееся урчанием. Может, сигнал? Но нет, обычные кошки. Михаил уже успел разглядеть в снайперский прицел лицо налётчика. Чернобородый был явно выходцем из Азии. Нос искривлённый, одна щека впалая. Понюхал, видать, порошу.

Стефан сделал еле заметный знак, и Михаил выстрелил сгустком энергии в бородастого, затем хотел направить мини-пушку в сторону «газели» и вдруг услышал гул рванувшей с места машины. Михаил оторопел. «Газели» уже не было! Только что стояла! И вдруг исчезла!..

Спрыгнул с дерева, пробежал через огород. Рывком подтянулся и преодолел забор. Бросился к чернобородому. Тот находился без сознания, но было ясно, что, когда очнётся, это будет человек с разумом трёхлетнего ребёнка, но всё же способный себя обслуживать и даже работать, например, дворником. «Это тебе за Монаха», – подумал Михаил и понёсся к соседней улице, где стояла «газель».

Шум уходящей машины слышался где-то за поворотом, со стороны небольшого переулочка, и быстро удалялся. Упустили старикана! Михаил вернулся к дому Кликухи.

Стефан уже уложил взломщика, едва тот выпрыгнул из окна на улицу.

– Кто из них убийца? – спросил Михаил.

– «УА» показал, что убивал Монаха кривоносы, а этот помогал, подстраховывал, – пояснил Стефан. – У него теперь обе руки сломаны и сотрясение... Чтобы неповадно было...

– Третьего упустили!

– Как?!

– Да вот так! – Михаил покаянно опустил голову. – Непростой оказался старикан. Сумел почувствовать опасность и слинял!

Стефан понимал, что виноваты оба, раз недоглядели. Значит, с обоих и спрос. И не стал укорять друга, который и без того переживал.

– Ладно, проехали, – махнул он рукой и добавил для воодушевления – Хотя этих накажали. А с третьим мы ещё встретимся... – Он наклонился к обездвиженному боевику, хотел взять мобильник, чтобы покопаться в нём и выловить номера вражеских телефонов, особенно упущенного старикана. Но едва только прикоснулся к аппарату, как из него потянулась еле заметная змейка дыма. Поняв, в чём дело, Стефан отбросил телефон в сторону, и он тут же с треском вспыхнул, заплесало пламя. Если бы не запредельная скорость реакции, которой специально обучали бойцов Братства, от взрыва мобильного у ребят могли серьёзно пострадать и руки, и лица...

– Чёртов старикан! Это он активировал взрывное устройство! – раздражённо проворчал Михаил и поблагодарил Стефана за молниеносное действие, уберёгшее их обоих.

У второго боевика телефон решили не трогать. Ясно было, что «Вершители Судеб» и в него вмонтировали крохотную мину, чтобы в случае провала своего товарища взорвать его мобильник.

Ну а нам пришло время рассказать о мини-пушке, изобретённой учёными Братства «Хранители Устоев».

В головном мозге человека есть несколько центров, которые отвечают за агрессию. Главным зачинщиком здесь является так называемая заднебоковая кортикальная миндалиνα. Возбуждись, она воздействует на две другие области мозга, отвечающие за агрессию, – вентромедиальный гипоталамус и центральную миндалину, в результате чего человек внезапно проявляет агрессию, порой неконтролируемую ярость. Вот на эти три области головного мозга мини-пушка и оказывала воздействие. И прежде всего на заднебоковую кортикальную миндалину, которая и управляет двумя другими центрами.

Учёные придумали, как подавлять функцию этой миндалины практически мгновенно с помощью выпущенного сгустка энергии, который тут же вступал с ней в резонанс. Причём воздействовать на мозг можно было дозированно: слегка, чтобы просто успокоить человека, если он себя ещё контролирует; в средней степени – чтобы, например, вызвать внезапный сон, если человек теряет контроль над собой и готов совершить противоправное действие; и, наконец, мини-пушка могла послать мощный импульс в качестве максимального воздействия-наказания, если, к примеру, надо было нейтрализовать садиста и убийцу, – и тогда его умственные способности становились резко ограниченными, сведясь к минимуму.

Ручная пушка получила кодовое название «Успокоитель».

Глава 11. Встреча с белобрысым

Ахапов получал инструктаж от дежурного по управлению. Ему пришлось возвратиться в родной райцентр: там случилось ЧП. Были взорваны два автобуса. Всех оперативников подняли по тревоге. Из Твери в Торжок выехал резервный отряд особого назначения.

Как выяснилось, Ахапов оказался в «блатном» списке – кого можно было задействовать только в случае крайней необходимости. Дятлов доложил начальству, что Василий работает по утверждённому графику, разбираясь с серией убийств. Сам же Серёга участвовал в операции, проводимой в масштабах города, поэтому Ахапов не застал его в управлении. Пришлось выяснять подробности происшествия у дежурного.

Автобусы с товаром на продажу прикатали, как обычно, в двадцать три сорок пять. А ровно в час ночи прогремел взрыв, перепугавший всю округу.

Капитан отправился поглядеть на зрелище. Библиотечная площадь и начало отходящих от неё улиц были оцеплены солдатами внутренних войск. Повсюду сновали странные типы, среди которых было немало охотников рассказывать друг другу и оперативникам всякие небылицы, мешающие следствию. А мощный был заряд тротила... В здании библиотеки и в домах, выходящих окнами на площадь, вылетели стёкла. Кое-где люди уже успели вставить подушки и тюфяки в зияющие дыры, но большинство окон так и продолжали посвечивать зловещими краями обломков стёкол или чернеть провалами.

В воздухе кружились хлопья сажки. Автобусы после взрыва горели, и теперь посреди площади стояли лишь чёрные их остовы, залитые водой. На земле валялись ошмётки каких-то вещей. Если и было что-нибудь ценное, то уже давно всё растащил ушлый народец, снующий вокруг: хозяева добра находились в гостинице, отсюда минут двадцать ходу будет. А значит, бери, что успеешь!

– Не хотели по дешёвке отдать, теперь с кукишем остались, – услышал Ахапов сильный мужской голос за своей спиной.

Неприятно, когда дышат в затылок. Обернулся – щуплый мужичонка бубнит себе под нос. Седые волосы торчат, как куриные перья. Не поймёшь по его тону, жалеет он хозяев товара или, напротив, злорадствует.

Василий заметил: сейчас многие старались говорить бесцветно, не окрашено или двусмысленно – на всякий случай, чтобы, в зависимости от настроения собеседника, тут же придать словам нужную окраску. Любопытная примета времени... Между прочим, профессиональная черта провокаторов.

Поскольку Ахапов молчал, незнакомец тоже умолк. Василию непривычно было выступать в роли зеваки, когда вся его полицейская братия рыскала в поисках преступников, отрабатывая версии. Наверняка уже были опрошены и жители домов, ближайших к эпицентру взрыва, и хозяева товара, остановившиеся на ночлег на Тверецкой набережной, в двухэтажной гостинице, оседающей в землю. На новую, выстроенную находчивым предпринимателем недавно, вряд ли у этих людей хватило денег. Кому они могли наступить на хвост? Конкурентам?..

Он выбрался из кучки зевак и краем глаза уловил движение за туевым кустарником. Прячась среди зарослей, человек уходил с площади. Вот он нырнул в тень ближайшего проулка, сливаясь с общей картиной плохо освещённой местности. Василий поспешил за ним. Он даже не понял, почему начал преследование – его повела интуиция, которая ещё никогда капитана не подводила. Потом дошло: фигурой, ростом и одеждой уходящий человек поразительно напоминал Бэтмана. Правда, волосы были как будто светлее. Тем не менее, Василий решил его догнать и заглянуть в лицо. Он был уверен, что, как минимум, между этим человеком и Бэтманом есть какая-то взаимосвязь. И ещё капитан, наконец, понял, что его поразило в

движениях Бэтмана в ту памятную ночь. Тот двигался так, словно в его теле не было суставов. Будто «переливал» тело из одной формы в другую. И этот белобрысый двигался точно так же!

Незнакомец, словно ощутив «хвост», принялся мотать Василия по бесконечным трущобам. И вдруг исчез. Как сквозь землю провалился!

Ахапов остановился, наострил зрение и слух. Вокруг стояла могильная тишина. Возбуждённое состояние в Василии истощалось, как и силы. Смертельно захотелось спать. Покружив ещё немного, но так и не взяв след, он разглядел в темноте верхушку колокольни и, сориентировавшись, пошёл в сторону Ильинки по разбитой дороге, ощущая какую-то опустошённость в душе. Лучше бы он был среди своих, в гуще событий.

Фонари были погашены, свет после взрыва вырублен во всём районе. А так как на небе не было видно даже краешка луны, то шёл он почти в полной темноте, привычно спотыкаясь на многочисленных ухабах. В некоторых окнах тускло горела свеча или керосиновая лампа. Изредка проезжающие машины обдавали Василия лучами фар, придорожной пылью, мелким щебнем и запахами разбавленного бензина, от которого моторы хрюкали и чавкали. Они быстро исчезали вдаль, и глаза, едва привыкшие к темноте, снова отказывались различать что-либо под ногами.

Как его догнал этот белобрысый тип, он не понял. Но в последний момент, когда тот уже намеревался нанести ему удар сзади, капитан вдруг повернулся и резко откатнулся в сторону. Поразительно, но он запомнил взгляд этого наглеца! Сузив глаза, тот смотрел ему прямо в переносицу, причём смотрел так, будто вонзал кинжал – до самого затылка! Василий ощутил не то что дискомфорт, а почти тревогу.

Он инстинктивно сделал выпад, метя противнику в лицо и по колену левой ноги. Белобрысый блокировал своей левой ударную руку Василия, и ощутимо всадил правый кулак в область его ключицы. При этом своей правой стопой он подскочил к левой ноге Василия под пятку.

Ахапов упал, а противник, схватив своей «клешнёй» запястье его правой руки, рывком развернул тело Василия к себе спиной. Выгодная позиция, чтобы нанести серию продолженных ударов, о которых в ближнем бою чаще всего забывают. Но он не стал этого делать. А просто обыскал Василия, взяв его руку на болевой рычаг локтя через колено, изучил удостоверение личности, сунул обратно в карман куртки и, оставив обездвиженного капитана лежать на асфальте, растворился в темноте. Противник показал капитану такую быстроту и ловкость в бою, не говоря уже о внезапности применения приёмов, что впечатления от полученного «урока» просто зашкаливали. Но это был не Бэтман.

Набежавший ветер принёс запах реки. Василий поднялся, ощупал ушибленную ключицу и шею, стряхнул пыль с одежды и медленно побрёл по дороге. Через некоторое время он услышал характерные звуки нагоняющего его «УАЗа». Остановился, начал напряжённо вглядываться в стремительно растущую служебную «колесницу». Водитель перевёл ближний свет на дальний, вконец ослепив капитана. У самых его ног автомобиль резко затормозил, дыша теплом мотора.

– Ахапов? – знакомый голос. Серёга! Василий верил только ушам, в глазах противно маячили вспышки света. – Влезай, подброшу, – милостиво пригласил майор. – Ты что здесь делаешь?

Василий забрался в машину, ощущая, как на заднем сиденье теснятся ребята, которых он все ещё не мог разглядеть. Попутно объяснил начальству, что и почему.

– Ладно, – махнул рукой Серёга. – Упустил, и чёрт с ним. Дальше поступай, как сочтёшь нужным. И, хотя древние считали, что «лучше действовать честно и проиграть, чем победить с помощью лжи»¹³, смотри по обстоятельствам. Иногда и умная ложь в нашем деле помогает, если в итоге приводит к истине и справедливости.

¹³ Гай Саллюстий Крисп (86–34 до н. э.) – древнеримский историк.

– А как у вас? – спросил Василий, имея в виду ночные приключения.

– Двоих взяли, отправили, куда следует. Утром разбираться будем.

Он поморщился: наверное, имели место «нюансы». И судя по тому, что был разгорячён, – пожалуй, не обошлось без схватки.

«Уазик» раздраженно подпрыгнул, угодив в пробоину на асфальте. Василий ударился макушкой головы о металлическое крепление под сводом кузова, тоже поморщился. И всё же он был рад, что боевые друзья наткнулись на него. Сердце щемило, оттого что они были рядом и оттого, что так же, как и он, сегодня рисковали жизнью, и многим из них досталось, как и ему.

Глава 12. Показания Удава

Минут сорок, если не пятьдесят, Нина-Бенриб занималась мужем: бережно наносила на его нижние веки один за другим тонкие слои макияжной «штукатурки».

Наконец, вздохнула с облегчением:

– Мой царственный супруг может посмотреть на себя в зеркало.

Василий посмотрел. Зеркало было обычное и, конечно, менее красивое, чем зеркала в его египетском дворце, изготовленные из тщательно отполированного серебра и меди и обрамлённые фигурками священных птиц и насекомых. Но современное зеркало было лучше по точности отражения, а египетские всё-таки казались ему тускловатыми. Своим видом Василий остался доволен. «Чёрные очки» исчезли с его лица бесследно, и он наградил умелицу долгим поцелуем в губы.

Как только капитан вошёл в палату, Удав повернул к нему голову, и глаза их столкнулись. О, этот иезуитски-изворотливый взгляд, ищущий сочувствия и цепляющийся за жизнь! Физические страдания пошли явно на пользу раненому, и Ахапов понял, что тот расколется, поскольку внутренне к этому готов.

Удав был лыс, и выпуклый череп его сплошь покрывали бородавки, как картофельный клубень проросшие «глазки». Лицо уже не было синюшно-жёлтым, но словно вытянулось. Нос с большой горбинкой, книзу будто обрубленный, испещрили красные ниточки сосудов, проступившие сквозь кожу. Когда Удав заговорил, стали видны его длинные прокуренные зубы, щедро тронутые коричневой гнильцой.

– На меня напали, – сказал он хрипло, и щёку его резко дёрнуло к уху. Нервный тик!

Капитан кивнул.

– Кто напал? Описать можете?

– Темно было. И неожиданно. Он толкнул меня в левое плечо, я покатился с горки вниз и где-то там наткнулся на штырь, который, оказывается, торчал в земле. Потерял сознание. Только утром меня нашли и привели в чувство.

– Тихушник и Кликуха на вашей совести?

Удав мотнул головой, выражая отказ. Его лоб покрылся испариной.

– А монах?

Тот же нервный тик.

– Но вы же знаете, что все три убийства мы можем повесить на вас?

Он отвернул лицо к стене.

– Какой интерес был у вас к Тихушнику?

– У меня никакой, – выжал Удав из себя через силу.

Ответы из него приходилось вытягивать: самолюбие человека, наделённого большой властью в своих кругах, не позволяло ему выложить всё хотя бы без видимого сопротивления. Время от времени он сжимался от пронизывающей его боли, и приходилось терпеливо ждать, когда ему станет легче.

– Но ты же не просто так стоял возле этой калитки! – Ахапов решил перейти на «ты».

Удав заматерился.

– Говорил же Бугру, нечего там делать, вдруг засада, дак нет же, шакал упрямый, послал меня всё-таки. Чтобы узнать, придёт кто к дому Тихушника или нет. Самому ничего, а я тут расхлёбывай! – Удав заскрипел зубами от боли и злости, вновь разразился бранью. – Из-за него почки лишился!

– Почка цела, – поправил его Ахапов, чтобы не завирался.

– Что это за почка, если покалечена? – огрызнулся Удав.

– Кто убил монаха?

– Да не знаю я, не знаю! – прорычал он сквозь стон. – В общем так. Объявились в нашем городе какие-то профи. Но нас предупреждали, что при двух уже бывших разборках с этими «мутными» их боевики такое творили, что даже лучшие наши бойцы просто офигевали. Короче, это что-то непонятное. «Мутные» они и есть «мутные». Воду мутят и везде свой нос суют.

– Бугор, о котором говоришь, тоже из этих «мутных»?

– Нет. Тот из других. Те с нашими дружбу водят, а с «мутными» воюют, – торопливый ответ, чтобы не передумать с признанием, и снова отворот к стене.

– Ну что из тебя все надо вытягивать, как гвозди клещами! – не сдержался Василий. – А если они тебя на перо поставят? Тогда как?

Удав засопел, переваривая услышанное.

– Короче, так, – проскрипел затхлым голосом. – Нашим друзьям Тихушник что-то пообещал, да отдал кому-то другому. Может, тем самым «мутным». За грены, конечно. Из-за этого весь сыр-бор и начался. А детали сами ищите. Мне их не докладывали.

– Так выходит, ваши, как ты говоришь, друзья, Тихушника с Кликухой и наказали? А сначала монаха, чтоб забрать у него эту вещь?

Удав промолчал, поняв, что сболтнул лишнее.

– Выведешь на Бугра, о котором толкуешь?

– Мне что, жить надоело?! С ними Бывалый сладить не может! Все на них пашут, как негры! Слово сказать поперёк бояться!

– Ну и что будем делать?

– На то вы и начальники, чтобы думать.

Василий закрыл за собой скрипучую дверь палаты, прошёл по мрачному коридору, спустился по лестнице и, выйдя на улицу, закурил.

В глаза била болезненная яркость неба. Бешеная активность солнца стряхнула с него оцепенение. В своём древнем прошлом он тоже смотрел в это вечно юное небо с лоджии египетского дворца и представлял себе, как богиня Нут поглощает ночное солнце, чтобы утром породить дневное, обладающее животворящей силой. В том мире каждая из жён и наложниц уже успела родить царю сына. Ему было, кому передать свою власть и богатства, и он не боялся умереть. Напротив, всю свою жизнь правитель готовился к смерти, потому что смерть – это жизнь в новом качестве.

Но Господи! Разве о такой новой жизни мечтал египетский царь Хор-Аха, чьё имя означало Сокол Сражающийся? Он, конечно, и в этой жизни в определённой степени – воин. Но что у него есть теперь и что было тогда?! Не трагедия ли это – знать, на что ты был способен и кем вдруг стал? Или его перевоплощение лишь подтверждает пророческое изречение Спасителя о том, что первые станут последними? «Хотя... что это я так себя принижаю? – возмутился своим мыслям Василий. – Я вовсе не последний! И не всем быть царями! Побывал им когда-то – и хватит!»

Глава 13. Стычка

«Вершители Судеб» подкараулили их неожиданно. Смогли же засечь!

Виктор ехал со своими бойцами в «ауди». Они говорили о слабой ниточке, которая появилась у них после посещения Виктором Наташи. Он ввёл её в моментальный гипноз и выяснил интересные детали. Оказывается, в семье этой женщины действительно хранился некий манускрипт, привезённый из Египта. Но сама она никогда его даже в руках не держала и вообще не знала, куда эта редкостная вещица делась. Во всяком случае, ей в наследство от бабушки Светланы среди других вещей достался лишь древний оберег – кусок кожи с какой-то иероглифической надписью. Виктор тут же попросил Наташу показать ему оберег. Та пошла в кладовку, порылась среди многочисленных коробок, пакетов и свёртков. Наконец, вернулась ни с чем.

– Странно... Исчез куда-то, – сказала, сконфузившись.

– Вы отдавали его кому-нибудь?

– Нет.

– Про него кто-нибудь спрашивал?

– Нет.

– Вы рассказывали о нём?

– Конечно. И даже хвалилась. Потому что такая вещь есть не у каждого. Этот оберег спас в древности кого-то из моих дальних прародителей.

Виктор узнал адрес её матери и хотел было уже уйти, но тут в дверь стали вламываться посторонние люди, как он понял, из полиции. Пришлось ему воспользоваться окном, чтобы скрыться незаметно.

– На следующее утро я побывал у матери Натальи, она живёт в Дубне, – продолжал Виктор рассказывать друзьям. – Дверь вскрыл, как обычно – оригинальным способом, ввёл хозяйку в гипнотический транс... И под гипнозом она сказала, что бабушка Светлана была очень интеллигентной женщиной и продать манускрипт не могла, даже если голодала.

– Куда же он, в таком случае, делся? – спросил Стефан.

– Я не успел выяснить. Она неожиданно отключилась, впад в глубокий сон, и мне пришлось прекратить воздействие и побыстрее оттуда убраться. Кстати, внешне та вещь, что была у Натальи, выглядела как кусок кожи с письменами, кое-где обгоревшей. А Монах как раз и сообщал о такой находке. Это был именно тот оберег, который от Натальи мог попасть к Кликухе, от неё – к Тихушнику, а от Тихушника – к Монаху. Боевики «Вершителей Судеб», забрав его у Монаха, по-видимому, определили, что это не то, что им нужно, и стали продолжать поиски.

– Надо всё же проверить. Может, здесь имеет место операция прикрытия? И они только делают вид, что нашли якобы не тот предмет, чтобы сбить нас с толку? – высказал своё предположение Христофор.

Виктор промолчал.

– Кстати, как выглядел манускрипт, ты выяснил? – спросил у него Стефан.

– Свиток папируса. Примерно три метра в длину, сантиметров тридцать-сорок в ширину. Текст написан иероглифами, чёрными и красными. Располагается колонками. Строки короткие и по своему характеру – поэтические, так говорил бабушке Светлане какой-то знаток древностей. Но были там и длинные строки, правда, их гораздо меньше, чем коротких строк.

– Командир, у нас «хвост», – вдруг сказал Христофор, сидевший за рулём и внимательно наблюдающий за дорогой.

И в самом деле, их преследовал джип «БМВ» чёрного цвета и с тонированными стёклами. При этом, судя по тому, как машина просела на амортизаторах, нагружена она была изрядно. И не коробками с сувенирами, а, скорее всего, боевиками противника.

Трое бойцов – Стефан, Михаил и крепыш с весёлым нравом Валера, занимавшие задние места в «ауди», приготовили газовые гранаты и пистолеты-пулемёты, позволявшие вести прицельный огонь даже из-за угла, оставаясь вне досягаемости выстрелов противника. У Виктора и Христофора нужный инструмент был под боком. И, как только руки привычно коснулись прохладного металла, появилось ощущение комфорта и покоя. Без оружия военному человеку – как без рук. А с ним и сам чёрт не страшен, только бы боезапас не кончался.

По обе стороны от узкой дороги тянулись лесные заросли, и впереди, как предупреждал указатель, был крутой поворот вправо.

– Вариант два, – объявил Виктор.

Это означало, что нужно быть готовыми к тому, что за поворотом им приготовлена ловушка, и ответные действия команды «Хранителей Устоев» должны быть адекватными. Бойцы надели на головы защитные шлемы. Бронежилеты уже были на них, под куртками.

За поворотом их действительно ждали. Дорогу преграждал тентованный «КАМАЗ», перед ним стоял аварийный треугольник. Но как только автомобиль «ауди» появился из-за поворота, задняя часть тента откинулась, и из глубины кузова сверкнула вспышка. Судя по всему, по бойцам «Хранителей Устоев» выстрелили из реактивного гранатомёта. Впрочем, разбираться было некогда.

Но за мгновение до выстрела, предчувствуя его, Христофор дал команду искусственному интеллекту, «ауди» тут же лихо вильнул в сторону и сразу сделал разворот, уйдя от траектории полёта уже летевшей гранаты. И остановился. Преследовавший их джип, не ожидая подобного манёвра, случайно попал под выстрел своих же соратников. Снаряд разорвался рядом с ним; бабахнуло, разлетелись осколки. «БМВ» завалился набок и крутил повреждёнными колёсами, оказавшись на обочине дороги. Было ясно, что он бронирован, поэтому так легко отделался.

«Ауди» «хранителей» тоже был не типичным изделием немецкого автопрома и получил бронирование двигателя и всего корпуса вместе со стёклами.

Поэтому Христофор, давая команды компьютеру по управлению машиной, левой рукой короткими очередями стал бить по грузовику, а правой прикрывался дверкой «ауди» от врагов в джипе, которые уже могли прийти в себя и тоже начать бой. Пока этими выстрелами Христофор отвлекал боевиков, по вражескому «КАМАЗу» выстрелил Виктор. Он выпустил газовую гранату типа «Сирень», приладив к карабину специальную насадку. А сидящая на заднем сиденье тройка бойцов выкатилась из машины на асфальт и далее в придорожные кусты, откуда тоже послала по газовой гранате, но ручной, в сторону «КАМАЗа». Судя по тому, что больше выстрелов из кузова не последовало, усилия «хранителей» не пропали даром. А гранаты были не смертельные, но серьёзные, – с газом раздражающего действия, что вызывало резкий кашель, боль в горле и в глазах, слезотечение, чихание – и длиться всё это могло до получаса.

Михаил и Стефан «лесенкой» с «лепестками» рванули в сторону грузовика. Валера прикрывал их перебежки. И, зная боевые возможности своих людей, Виктор был на девяносто процентов уверен, что спустя некоторое время дорога будет разблокирована.

Тем временем с противоположной стороны джипа, через багажник, уже вывалились боевики «Вершителей Судеб».

Виктор, имевший немалый опыт уличных боёв, тут же вставил в насадку следующую гранату, сорвал с неё чеку и выстрелил по ним. Пока они были в шоке от газа, Виктор подхватил мини-пушку «Успокоитель», выбрался из машины и послал каждому из боевиков по стучку энергии, успокаивающей агрессию. Воздействие на мозг было средней мощности, после которого боевики впали в ступор. Виктор знал, что заторможенность у них очень скоро перейдёт в

принудительный сон, а придя в себя, эти парни забудут о том, для чего вообще сюда явились. Нормальная память вернётся к ним не ранее, чем через сутки. Это было им как предупреждение. Чтобы знали и помнили, что в следующий раз будет гораздо хуже...

Виктор вернулся в салон автомобиля. Христофор уже успел развернуть машину. Взвизгнув спецпокрышками, «ауди», сделав прыжок, рванул к «КАМАЗу», медленно съезжающему в кювет. Когда «ауди» поравнялся с Михаилом, Виктор передал ему «Успокоитель», тот поработал с ним, погрузив боевиков «Вершителей Судеб» в сон. Путь был свободен. Бойцы быстро сели в машину. И оперативно-боевая группа тайного Братства «Хранителей Устоев» на предельной скорости покинула место скоротечного боя.

Глава 14. Налёт

Ахапов уже привык называть своего супергероя Бэтманом, эта кличка срывалась с языка непроизвольно, она уже обрела собственную плоть, и он решил от неё не избавляться. Во всяком случае, пока.

Ему вспомнились глаза матери Кликухи, её скорбная радость, что «Галечка не виновна»... А чёрта с два! Как пить дать, виновна. Мать Кликухи в порыве благодарности призналась, что дочь за несколько дней до смерти встречалась с Тихушником, отдала ему свёрток на продажу. После того, как последний раз побывала у Натальи. Это было что-то ценное и очень древнее. Она у Натальи, оказывается, регулярно уборку делала, за что получала деньги.

На мгновение в голове у Ахапова будто вспыхнула искра прозрения, связанная с Натальей, но быстро погасла, так и не выдав разгадку. А капитан вдруг понял, что египетское прошлое изменило его психику. С души будто «с мясом» содралась защитная оболочка, а ум и мышцы сделались рыхлыми, как вата. Это было что-то вроде наваждения, которое мешало ему нормально работать и жить в своей нынешней эпохе. Временами он чувствовал себя клиентом психушки! И ничего не мог с этим поделать!

На душе у Василия заскребли кошки... Они теперь часто подкарауливали его в самый неудобный момент. А кошка для египтянина – священное животное. Тысяча чертей! Опять этот Египет!..

За казённым окном полицейского офиса накрапывал очередной дождь. Доложив Серёге о своих последних встречах с людьми, показания которых можно было приобщить к делу, капитан собирался идти домой, но Дятлов пригласил его на чай. Дожидаясь, пока Серёга поговорит по телефону, Василий наблюдал, как по тротуару степенно разгуливают упитанные голуби. В угасающем небе метались речные чайки. Тверца протекала неподалеку отсюда, метрах в ста от полицейского здания. Бежит себе наперегонки с ветром под пешеходным мостом, обрамлённым чёрной оградой из витого металла. И нет ей дела до человеческих глупостей и страстей, и некогда остановиться для раздумий.

Серёга в этот день дежурил по управлению, Ахапов числился в резерве, а опергруппа, спешно поднятая по тревоге, укатила на вокзал: там был совершён налёт на полицейский пост. Закурили. Начали перебивать косточки Бэтману и неизвестному типу, с которым пришлось сцепиться Василию при попытке этого человека выследить. Капитан инстинктивно чувствовал, что именно Бэтман мог стать реальным ключом к разгадке этой истории, и монах наверняка был связан с ним. Но как снова выйти на Бэтмана и суметь его взять? К Наталье он больше не заходил, и что вообще делал в её квартире, доведя хозяйку до полубморочного состояния, так и осталось невыясненным.

Специалист-психиатр подтвердил догадку Василия, что на Наталью было оказано гипнотическое воздействие. Да такое глубокое, что восстановить, реконструировать произошедшее местному светилу гипнотического искусства не удалось! Это заставляло сильно призадуматься. Получалось, что Бэтман был воистину уникальным специалистом, одинаково великолепно владевшим и рукопашным боем, и методами специального психологического воздействия. Откуда же и, главное, зачем появился такой супер в их заштатном городишке? Что он здесь вынюхивает и чьи интересы представляет? Действует один или в составе группы? И нет ли каких-то сил, противостоящих ему? А что, если он из тех самых «мутных», о которых толковал Удав?

Опергруппа, выехавшая по сигналу, время от времени докладывала обстановку. Дятлов внимательно выслушивал сообщения, делал на карте пометки, обозначая маршрут, и корректировал действия подчинённых.

– Ну? Ты чего чай не пьёшь? – дав очередную вводную, обратился он к Василию. И, заметив его невесёлый вид, вернулся к прерванному разговору. – Нажми на Удава посильнее.

Пройди по второму кругу по свидетелям. Торопи события! У меня складывается впечатление, что в городе орудует очень серьёзная группа, способная организовывать операции прикрытия. И уже работает в этом направлении. Непонятно, на кого они пашут!

– Именно на такое намекал и Удав, – подтвердил Василий.

Дятлов уткнулся в карту. Полчаса назад полицейский кордон на вокзале был обстрелян из автоматов людьми в масках, которые скрылись на «ниве» цвета мокрого асфальта. Номера были забрызганы грязью. Пострадавших в результате теракта не было, но операция продолжалась, и всё ещё могло быть.

– Примета нашей жизни, – произнёс Ахапов вслух, но мысленно рассуждал сам с собой.

– «Чайка»! «Чайка»! Я «Стрела»! – рация на столе Серёги вновь подала голос, выплеснув флюиды тревоги. – Продолжаем преследовать серую «ниву»! Через три километра пост ДПС.

Дятлов и Ахапов переглянулись: вот-вот должна начаться главная часть операции. Дорога была заблаговременно заблокирована, чтобы открыть огонь, если «нива», не подчинившись приказу, пойдёт на прорыв.

– Как ты думаешь, кто напал на ребят? – спросил Василий.

И умолк, недоговорив, потому что снова заработала рация:

– «Чайка»! Я «Стрела»! Начинаем операцию по за хвату!

Внезапно погас свет, и последнее слово «захват» зловеще повисло в тишине.

– В чём дело? – голос у Серёги стал нервным, он достал из кобуры пистолет.

За окном уже разлилась мёртвая темень. В коридоре послышалась короткая стрельба. Они выскочили из кабинета. Василий зацепил ногой стул, и он с грохотом упал на пол. Вокруг стоял полный мрак. Аварийное освещение было вырублено, как и основное.

Ахапов крался вдоль стены, держа наготове пистолет. Он успел ощутить приближение врага, нажал курок, но преступник ударил ногой ему в живот. Растянувшись на полу, Василий услышал, что тот тоже упал, вероятно, его задела пуля. От соседней стенки, где находился Серёга Дятлов, донеслись звуки борьбы, сдавленный хрип. Прогремел выстрел. Кто-то набросился на Василия, пытаясь заломить ему руки. Ахапов сопротивлялся, как мог. Его начали бить головой об пол...

Спустя несколько мгновений их связали, повели под дулами автоматов к «уазику». Бандитов было двое. Оба во всём чёрном, и лица в чёрных масках. Полицейский «УАЗ» стоял возле самой двери, перед крыльцом управления. Захваченных заложников заставили сесть на передние сиденья, Серёга оказался за рулём.

– Трогай! – скомандовал чёрный, усевшийся за Дятловым.

В затылок упёрся холодный ствол автомата. Ахапов прикинул в уме. Они не оставили бы труп своего поделщика. Значит, действовала группа из двух человек и один из них, возможно, ранен.

Серёга завёл двигатель, вырулил, но явно не спешил.

– Жмы, говору! – заорал на него всё тот же бандит. – Застрэлу суку!

– Стреляй, – Серёга был спокоен, только голос немного сел.

– Ъво застрэлу, – чёрный показал пальцем на Василия. – Шытаю до трох. Раз, два...

– Пусть стреляет, – ободрил Василий майора. – Лучше уж сразу...

«УАЗ» сорвался с места.

Выехали на окружную дорогу, двинулись в направлении, прямо противоположном тому, куда умчалась полицейская группа. Здорово сработано! Налёт на вокзальный пост – всего лишь отвлекающий манёвр, на который полиция бросила все свои силы, не предполагая о последствиях. Идти к пленникам на помощь некому. Василий ругал себя за то, что они не воспользовались рацией. Рванули на звуки выстрелов, едва погас свет! А надо было сообщить!.. Что эти твари теперь потребуют в качестве выкупа? Хорошо, если кто-то из них ранен. Тогда, может быть, ещё удастся изменить ситуацию...

«УАЗ» трясся на ухабах, и Ахапова сильно мутило: в драке он испробовал головой пол на прочность, и теперь мутило так, что пришлось судорожно ловить ртом воздух. Не выдержав, согнулся в рвотных судорогах.

– Застрэлу! – рявкнул чёрный, зажимая пальцами свой нос.

Василию полегчало, он снова обрёл способность соображать. Приближался пост ДПС, это был единственный шанс попробовать что-то сделать. Он привалился к Серёге, чтобы ощупать его локоть. Им было запрещено поворачиваться друг к другу, и они старались не злить охрану. Чёрный позади Ахапова пока ещё не проронил ни слова. Василий даже не знал, такой ли у него акцент, как и у напарника, или совсем иной. Капитан только ощущал кончик ствола, который от его затылка потеплел. При каждой встряске он методично долбил ему череп. Но Василий явственно ощущал, как ствол сползал вверх, то ли чёрный устал, то ли слегка придрёмывал.

– Сбав скорост! – скомандовал чёрный Серёге. – Эслы ДПС остановыт – застрэлу!

Капитан слегка подтолкнул Дятлова локтём, ответное прижатие его локтя воспринял как сигнал. Серёга круто вильнул рулём, и Василий, раскрыв дверцу, резко вывалился на дорогу.

– Помогите! – крикнул на тот случай, если ничего больше не успеет...

Вдогонку ему ударила автоматная очередь. Стеганула по мокрому асфальту, выбила ошмётки грязи в том месте обочины дороги, откуда Василий только что перекатился в кусты. Из ДПС-ного «скворечника» выбежали рослые парни в шлемах и бронежилетах. Ахапов соскочил с земли, сделал несколько шагов им навстречу... Ему казалось, что он успел объяснить им про майора Дятлова и про тех двоих – в масках и с автоматами. Он был уверен, что они помчались в погоню. И пытался взглянуть в темноту... Но что-то резало до боли глаза, и хотелось протереть их, чтобы лучше видеть.

Глава 15. На ложе смерти

Наконец взор просветлел. Но всё тело было словно втиснуто в жёсткий ящик, в котором невозможно было и пошевелинуться.

– Мой господин! – услышал Хор-Аха встревоженный голос Бенриб. – Ты спрашиваешь, кто эти люди, что смело ринулись в бой, потеснив нубийцев? О! Это фиванцы! Они на нашей стороне и помогут тебе удержаться на престоле! Ведь Фивы – это родина твоей матери, царицы Нейтхотеп.

Ну, конечно же! Взойдя на престол Объединённого Египта вместе со своим мужем Нармером, царица осыпала жителей родного города многочисленными милостями, заботилась об их образовании и о том, чтобы трудовые повинности были не столь обременительными для её народа. В нужный час фиванцы пришли на помощь её сыну...

Царь Хор-Аха метался на ложе смерти... Его укусила змея, и он уже третий день истекал липким потом. Внутри него то бушевал яростный пожар, то вдруг сердце и внутренности сковывал пугающий лёд. Это было похоже на муки бога Атума-Хепри, или Пта, как в новой столице привыкли называть верховного владыку Неба. Когда, по наущению коварной Исиды, бога Пта укусила ядовитая змея, ему пришлось открыть ей своё тайное имя, чтобы она спасла его от смерти, но при этом пожертвовать глазами – дневным и ночным солнцем. А значит, пожертвовать своей властью.

В отличие от Пта, царь Хор-Аха не собирался открывать своё тайное имя этой хитрой богине чар и колдовства, чтобы не оставить собственных потомков без престола. Он решил так: если ему суждено умереть, пусть так оно и случится, но пусть на престол взойдёт его сын Джер. Только ему и никому другому должна достаться корона Объединённого Египта!

Столица государства – город Хи-Ка-Пта уже второй день был осаждён мятежными войсками. Сюда прорывался с отрядом повстанцев вероломный дядя царя – Мекетра, номарх города Иуну. Прослышав о несчастье племянника, он не захотел, чтобы умирающий монарх передал свой трон по наследству сыну, как сделал его отец Нармер, а намеревался занять его сам. Мекетра подкупил одного из кичливых вождей нубийцев, алчного Пианхи, и тот послал ему на помощь чёрных воинов, чтобы по их трупам Мекетра взойшёл на египетский престол. Первое, что он сделал бы, вырвав власть из рук законного правителя, – это приказал бы не называть верховного бога именем Пта; творца всего сущего пусть все величают так, как в Иуну, – Атум, или Хепри.

Битва уже шла на подступах к царскому дворцу. Воины законного правителя были в белых набедренных повязках. Деревянные щиты украшали свирепые магические знаки. Копья и дротики в руках бойцов сверкали, как молнии. Мятежников-египтян легко отличали от сторонников царя по защитным доспехам из кожаных полос. Эти люди были из числа иунской знати, и они очень дорожили своими жизнями, ибо, в случае победы Мекетры, рассчитывали получить большие должности при новом дворе. Хвала богам, перебежчиков оказалось не так уж и много. Основную массу мятежного войска составляли чернокожие нубийцы. В красных набедренных повязках, с красными копьями, с красными луками и стрелами, они дрались, как разъярённые пантеры.

Хор-Аха мучился. Время от времени его одолевали кошмарные видения. Он вдруг обнаруживал перед собой злобных лохматых чудищ. Они набрасывались на него, а он пытался от них скрыться и выкрикивал бессвязные слова. В такие минуты Бенриб считала, что её муж общается с существами потустороннего мира из страны Дуат. Иногда, когда ему становилось легче, слуги поднимали его на руки и по просьбе царицы подносили к оконному проёму, чтобы он мог наблюдать за битвой. Но Хор-Аха был в таком состоянии, что дротики, копья и стрелы, обильно мелькающие в воздухе, вызывали в нём жуткий образ жалящих змей...

Три его жены, облачённые в одежды скорби, хлопотали над больным, вытирая ему лицо и промокая тело мягкой тканью. Главная жена Бенриб отсосала большую часть яда из его бедра почти сразу же после укуса ядовитой твари, поэтому в женщинах жила надежда, что их царственный супруг не умрёт.

– Где Мекетра? – спросил Хор-Аха у Бенриб, удивляясь, что в нём ещё шевелились какие-то мысли.

Она долго всматривалась из окна в сражавшихся воинов, наконец, с тревогой покачала головой.

– Мой господин, я не вижу его.

Неужели Мекетра уже прорвался во дворец?! Царь перевёл взгляд на Верховного жреца храма Исида, который уже третий день читал возле ложа умирающего тексты древних заклинаний. Лысина жреца лоснилась, пот тёк по голым худым плечам и спине, пропитывая ткань, закрывающую нижнюю часть тела. В больших утомлённых глазах угадывалась мольба: «Не уходи в страну Дуат, великий царь! Мекетра искоренит весь твой род и отдаст Египет на разграбление нубийским шакалам!»

– Наденьте на меня драгоценные оплечья с Исцелённым Оком Хора, – произнёс государь слабым голосом. – И ты, Бенриб, оденься, как подобает... Я буду говорить с народом!

На этот раз жёны сами одели своего повелителя, как он просил: длинная набедренная повязка, украшенная бисерным поясом, царская корона. Бенриб завязала на его шее шнурки, чтобы закрепить бисерные оплечья, усыпанные драгоценными камнями. Оплечья включали в себя два амулета: золотого скорпиона и Глаз Уджат из алмаза редкостной величины. Иначе этот алмаз назывался Исцелённым Оком Хора, и оно пронизывало горящим огнём всякого, кто смотрел на правителя.

Хор-Аха рассуждал следующим образом: богиня не пройдёт мимо глаза своего излюбленного сына Хора и не оставит без внимания скорпиона – скорпионы не раз защищали её своими жалами. «Приди, превзошедшая всех, о Исида! – мысленно призвал умирающий. – Помоги мне одолеть врага, как когда-то скорпионы помогли это сделать тебе!»

В эти минуты жрец произнёс громко и возвышенно:

– Уходи, яд! Выйди из Пта. Не продвигайся дальше, не проникай в тело. Отступи, уйди, поверни вспять! Я де лаю так, чтобы яд упал на землю, ибо он побеждён... Да будет жить Пта, и да погибнет яд! Пусть погибнет яд, и будет жить Пта.

Читая заклинания Исида, богини магии и чар, он отождествлял себя с ней, а правителя Египта с богом-творцом Пта, чтобы демон, проникший в кровь монарха в виде змеиного яда, вспомнил, как уже однажды был обращён в бегство Исидой, изгнавшей его из тела царя богов этими заклинаниями.

– О, жив Пта! И мёртв яд! Жив царь! И мёртв яд!

Жрец воскликнул это с таким воодушевлением, что из глаз взволнованных женщин брызнули слёзы.

– Исчезни рана укуса, по слову Исида – богини, Великой чарами, первой среди богов!

Внезапно Хор-Аха почувствовал, что огонь, пылающий в нём, отступил. Боль отпустила скованные члены, и ему захотелось встать с ложа смерти. Он поднялся, поддерживаемый жрецом, и медленно, на подламывающихся ногах, приблизился к окну. Прохладный воздух казался таинственными прикосновениями самой Исида. Рядом с супругом встала сияющая Бенриб. На её голове возвышалась небесно-синяя корона, словно обвязанная лентами из цветных драгоценных камней; белое платье из тончайшей льняной ткани подчёркивало и оттеняло её изящную шею и оголённые руки, украшенные бисерными браслетами.

– Великая Владычица Неба Исида исцелила нашего господина, моего царственного супруга! – радостный крик Бенриб перекрыл звуки битвы.

Многие доблестные фиванцы уже лежали, отдав за царя жизнь, у входа в его дворец, в их телах торчали красные копья и стрелы. Чёрные тела многих нубийцев, рассечённые кривыми мечами и проткнутые дротиками, заливали кровью придворцовую площадь. Но все, кто были ещё живы, мгновенно повернули головы к ложе, расписанной священными символами, где увидели царственную чету.

Хор-Аха поднял левую руку, и его воины исторгли вопль неопишемого восторга. Египтяне и даже большинство нубийцев пали на колени, потрясённые лицемерием чудесного воскрешения законного правителя. Коварный Мекетра явно поспешил объявить царя мёртвым.

– Пусть кара могущественного Пта, породившего богов и всё сущее, падёт на головы его врагов – тех, кто осмелился замышлять недоброе против его наместников на земле. Против меня, царя Хор-Аха, Правителя Верх него и Нижнего Египта, и против моего сына, будущего царя Джера! – произнёс исцелённый монарх.

Он говорил негромко, но каждое его слово было услышано мятежниками и наполнило их сердца смертельным ужасом. Ни один из них не посмел более поднять руку на защитников трона, и верные воины царя быстро довершили дело. Вероломный Мекетра бросил оружие и сдался личной охране своего венценосного племянника.

И вот он стоит в тронном зале на коленях перед царём – жалкий, униженный, трусливо прячущий лживые глаза в землю. Он в просторной воинской одежде, покрытой кожаными и металлическими накладками, в кожаном шлеме. Можно представить себе, как бы он сейчас ликовал, если бы боги оказались на его стороне! Но не себя, а законного правителя он видит на египетском троне.

– Убей! – взмолился он. – Скорми крокодилам! Не хочу жить с позором!

Хор-Аха разжал губы, чтобы произнести приговор... Кто-то тормозил Василия, заставлял раскрыть глаза, приводил в чувство, поднося к носу флакончик с нашатырём... Он силился схватиться за остатки своего спасительного сна, как утопающий за соломинку.

– Долго был под наркозом, – прошелестел чей-то незнакомый голос.

– Дьявольщина! Оставьте меня в покое! Я царь Хор-Аха! Правитель! Не хочу, не хочу быть никем другим! Не хочу на вашу землю! Я должен быть там! Там!!! – Василий думал, что всё это он выкрикнул в порыве могучей ярости и гнева, душивших его.

На самом деле он промычал что-то нечленораздельное и вполне ясно произнёс лишь заключительные слова.

– Вот видите! – проговорил кто-то в ответ, с трудом сдерживая смех. – Он ещё не проснулся.

Капитан различил бледно-голубые медицинские халаты, стерильные маски, которые он сейчас больше, чем ненавидел.

«Что вы наделали?! Зачем меня вернули?! – вскипало в мозгах. – Вы, ничего не знающие обо мне, как смели вы распорядиться моей судьбой?!» Но бесполезно было всё это им говорить – эти люди всё равно бы его не поняли. Они жили в мире, где Василий вовсе не был царём.

Глава 16. Борька Рыжов, он же Бывалый

Ахапов шёл по Красной Горке к пешеходному мосту через Тверцу. Больничный больничным, а работать надо, потому что Серёгу Дятлова не нашли. С ним полная неизвестность. На следующий день после налёта обнаружили за городом обгоревший «УАЗ» – и только. Из-за Серёги Василий и не остался в лечебнице, хотя в нескольких местах был заштопан и получил сотрясение мозга. Впрочем, никто в больнице и не уговаривал его остаться. Тоже примета нынешних времён.

Серую «ниву» в тот вечер задержали, но преступников в ней не оказалось, и за рулём сидела женщина. Бандиты заранее подготовили обманку: несколько одинаковых по виду машин, с забрызганными грязью номерами и тонированными стёклами, метались по городу – такие раньше и двух метров не проехали бы по дороге, мигом бы ДПС-ники остановили. Снова примета?! За этими машинами-близнецами опергруппа гонялась всю ночь. А они, как демоны мрака, выныривали то здесь, то там.

Сразу же за пешеходным мостом, соединившим два берега Тверцы, лежала центральная площадь, где находилось несколько зданий, занятых под престижные офисы, в том числе известного банка и полиции. Ряд двухэтажных кирпичных домов с различными вывесками тянулся вдоль набережной и создавал весьма живописный вид, особенно после того, как подкрасили фасады этих строений. Среди них была и гостиница, где останавливались владельцы сгоревшего в автобусах товара. Ряд заканчивался возле другого моста, транспортного, нависшего над рекой гораздо дальше, чем пешеходный.

Размышления Ахапова прервал чёрный сияющий «мерседес», внезапно затормозивший рядом с ним. Распахнулась настежь ближняя дверца, и оттуда хлынула блатная музыка. Капитан собирался пройти мимо – не его же ждут в такой роскошной машине! Наверное, вон та длинноногую девчушку, что, повиливая бёдрами, отошла от киоска с бередящим душу названием «Скорпион».

Его окликнули по имени. Точнее, по прозвищу – как в детстве. Никто не называл его так, по крайней мере, уже лет двадцать! Он остановился, словно лось-подранок, внезапно наткнувшийся на охотника. С недоумением заглянул в машину. На заднем сиденье по-хозяйски развалился Борька Рыжов, ни дать ни взять нынешний подпольный князь Бывалый собственной персоной!

– Садись ко мне, Хапун. Не дрейфь! – настойчиво предложил он, очевидно, заметив колебания Василия. – Не пожалеешь.

– Здорово, Рыжий, – Ахапов припомнил, что именно так называл его в детстве.

Бывалый усмехнулся. Зубы у него, конечно, были от лучших дантистов, костюм из-за рубежа.

– Отъедем немного... Есть разговор.

Василий сел рядом с ним, и «мерседес» мгновенно проскочил оба моста – и пешеходный, и транспортный. Остановился возле здания коммерческой стоматологии.

– Иди первый, – скомандовал Бывалый. – Сядь где-нибудь в вестибюле.

Ахапов зашёл в отреставрированное строение стандартно-медицинского типа, занял в фойе стул, придвинутый к тощей комнатной драцене. Развесила свои листья, будто опала, а они у неё на вороньи хвосты смахивают... Народ на приём к врачу не ломился, учитывая платные услуги. Можно сказать, лечебница пустовала. И в самом деле, неплохое было место для укромной беседы.

Бывалый оглядел вестибюль, после чего прошёл неторопливой походкой к Василию и уселся рядом с ним.

– Твой майор лежит в двух метрах под землёй, – сообщил тихо.

У капитана всё оборвалось внутри.

– Где?

– Подскажу... Если договоримся.

– Удава просить будешь?

Он не спешил с ответом. А перед глазами Василия жутко маячило лицо Серёги, в ушах звенел, как колокол, его голос... Серёга, Серёга... Как же так?!

– Разобраться мне требуется, – наконец, снова Бывалый. – Я должен знать, что тебе сказал Удав. Что выдал о монахе? – спросил он в лоб.

Ахапов не видел причин утаивать слова Удава.

Бывалый помолчал, что-то обдумывая, и снова спросил:

– А как объяснил то, что оказался возле дома Тихушника?

Капитан вспомнил общий смысл трепни Удава, пересыпанной бранью.

– Теперь мне всё ясно! – скривил губы в презри тельной мине Бывалый и поднял глаза – преданные, чистые, как в детстве, когда они мирились после очередной драки.

– Что ясно? – заволновался Василий.

– А то ясно, что появились в нашем городе некие странные людишки... Откуда взялись – не знаю. Но ведут они себя как господа. И монаха не братки замочили, а думается мне, что это работа тех пришлых людишек. И Кликуху с Тихушником, думаю, тоже они. Вот так, Хапун... И пытаются они дружить с братвой, да не просто дружить, а командовать, привлекать к своим делам и разборкам... А ищут они у нас какие-то древние вещички... Но и это ещё не всё... – Бывалый сузил глаза, словно колеблясь: раскрываться дальше или хватит, достаточно сказанного... Но решил всё же продолжить: – Ну так вот, слушай дальше... Объявились в нашем городе ещё и какие-то «призраки», кому эти «гости» поперёк глотки встали. И «призраки» эти показали себя как такие профи, каких никто из наших в жизни не видел... – Он положил свою большую ладонь на плечо Василию. – В общем, тёмное это дело, Хапун. А Удава можешь брать. Не то я сам порешу его за змеиную сущность.

Василий пожал плечами.

– Да мне он не нужен... На нём пока ничего нет. Отпустим на все четыре стороны, как только врачи его выпишут. А ты подозреваешь, что он, кроме как на тебя, ещё на кого-то пашет?

– Это уже мои дела, – отрубил Бывалый.

– Где майор лежит? – напомнил капитан.

В ответ прозвучало несколько адресов, имён.

– Возьми этих отморожков, они покажут. Их рук дело. Но на всякий случай вот тебе схема... – Бывалый про тянул Ахапову лист бумаги, на котором был дан план местности, указаны дороги, ориентиры... В правом верхнем углу стоял жирный крест. – Вот здесь твой майор лежит, – ткнул пальцем в этот крест. – Запомни.

Теперь у него был другой взгляд – колючий, отрешённый. А глаза по-прежнему оставались маленькими, их почти не видно на лице. Больше видны косматые, как у Брежнева, брови, нос-рубильник, безгубый рот... Ахапов знал: если они встретятся в драке, Бывалый, не задумываясь, попытается его прикончить. Василий, на оборот, постарается взять его живьём. В крайнем случае – раненым. И в этом между ними была такая же разница, как между дневным и ночным солнцем, или между Хором¹⁴ и Сетом¹⁵. Тут они – непримиримые враги.

¹⁴ Бог в Древнем Египте, олицетворение верховной небесной власти и защитник власти фараонов.

¹⁵ Бог пустынь, бурь, непогоды. Убийца Осириса. Коварный, ревнивый и завистливый, Сет пытался убить Хора, сына Исида и Осириса.

Глава 17. За дело берётся СОБР

Полицейская группа вламывалась в неприметную квартиру, которая находилась в пятиэтажной тверской «хрущёвке», напротив «Детского мира». На переднем плане – парни из отряда быстрого реагирования, специально приглашённые для усиления. Бойцы СОБРа умеют вышибать железные двери, они вообще всё умеют. Поэтому прорыв в квартиру был стремителен и свиреп.

Собровцев четверо, у них приказ: стрелять только в крайнем случае, желательно брать живыми. Применили спецсредства – светошумовую «Зарю» и раздражающий газ «Черёмуха». После чего ворвались в комнаты.

Недолгий бой – и вот уже собровцы подхватывают отморозков, тащат к автобусу, ожидавшему пассажиров у подъезда дома. Когда людской поток кончился, Василий вошёл в квартиру. Но не успел и глазом моргнуть, как на него обрушился бандит с ножом. Откуда он взялся? Прятался в соседней квартире и теперь перелез через балкон? Мысли вылетели мгновенно из головы Василия, едва он ощутил удар в плечо – лезвие ножа полоснуло мышцу. Боль отшибла страх, подстегнула к действию. И вскоре ему было уже не до ощущений... Вражеский клинок остервенело мелькал перед глазами, заставляя резко уклоняться, чтобы не схлопотать ещё одну рану. Хаотичность и быстрота движений противника требовала такой же ответной реакции. Сумасшедший ритм! Сделав отвлекающее движение, Василий рубанул ребром ладони по шее противника, вонзил колено ему в пах. Нож со звоном отскочил на пол.

– Фараон проклятый... – выкрикнул бандит с ненавистью.

Он бы плюнул Ахапову в лицо, да в глотке пересохло.

– На колени! – заорал Василий. – На колени перед фараоном! Ну! Мордой в пол!

Оба обессилили и тяжело дышали. Подошёл собровец, подхватил полулежащего бандита за шиворот и потащил к автобусу. Василий поднял с пола оружие, чтобы приобщить к делу. Псевдоохотничий нож «косуля». Довольно массивный и хорошо заточенный. На обухе клинка выделялась пила, на зубьях которой осталась свежая кровь. Рукояткой служил фрагмент настоящей ноги косули – с копытом и даже с шерстью.

Пока Ахапов разбирался с уликами, собровцы уже выявили тех двоих, чьи имена дал Бывалый. Один из них оказался литовцем. Второй – из Незалежной, украинец. Проник на территорию России и готовил диверсантов. И чего этим ненавистникам всего русского неймётся?! Опять примета времени?! Уже тошнит от них!

Литовца и украинца посадили в «УАЗ», велели показать дорогу к Серёгиной могиле. Попробовали бы не показать! Ахапов сравнил маршрут со схемой, переданной ему Бывалым. Совпадает! Он в этом и не сомневался. Бывалый не мог подвести. Господи, как тошно, как мерзко жить в этом мире...

Они стояли на опушке леса. Дул промозглый ветер. Он прогнал мясистую тучу, и неожиданно в облачной полынне показалось мутное солнце, будто всплыло личико детского трупа...

Литовец и украинец молча раскапывали могилу лопатами. Земля была податливая, незатвердевшая. Видно, что здесь её рыли совсем недавно. Яма раскрывалась неохотно. Так медленно, что казалось, этому не будет конца. Глубоко запрятали, сволочи. Земля кишела всякой нечистью. На ботинок Василия вползло многоногое карликовое чудовище. Он с отвращением сбросил его, растоптал ногой.

Бандиты работали медленно: боялись. Но и не вырыть тоже боялись. Чем глубже рыли, тем Василию было всё больнее. Твари! Ведь они сейчас топчутся на Серёге!

– Осторожнее ройте! – психанул он. – Где его лицо? Ну?

Украинец показал вялым движением ноги... Убить бы гада!

– Если лицо покалечите лопатами, мы ваши поганые рожи точно так же лопатами поуродуем, – предупредил один из собровцев.

Украинец бухнулся на колени, начал разгребать руками. В ужасе отшатнулся, что-то стряхивая с пальцев...

– Мы не убивали! Мы только закапывали! – вдруг завопил он.

...Серёга! Хотелось выть, глядя на его лицо – залепленное грязью, кровью, червями! Ахапова затошнило, как беременную бабу. Отошёл от ямы, ничего не видя перед собой... Думать! Думать, чтобы не чокнуться! Хотя о чём, лишь бы не о Серёге!

Разве Василий не понимал, почему Бывалый сдал ему своих конкурентов? Да они его повсюду задавили, по рукам и ногам связали! В четыре раза больше мзду на рынках с продавцов берут, на пушечный выстрел его братию к прежним «дойным коровам» не подпускают! А раз берут больше, то и своим платят щедрее! Они и автобусы с товаром сожгли, чтобы хозяева товара знали, кто здесь главный. Бойтся Бывалый без нужных людей остаться!..

Через час на этой же машине возвращались обратно. На дорогах Торжка орудовал московский ОМОН¹⁶. Проезжая, Ахапов видел, как рослые детины в камуфляжной форме и в масках – чёрт возьми, снова примета времени! – тормозили иномарки, заламывали подозрительным руки, ткнув мордами в багажники тех же иномарок. Спецы в машине оживились: чувствовалось, что такая картина их воодушевляет. Прохожие глазели, ничего не спрашивая, торопились пройти мимо. А вдруг хозяйничали не полиция, вдруг ряженные?

Серёга Дятлов часто любил повторять одну фразу, которую приписывал, кажется, Мольеру: «Мы ответственны не только за то, что делаем, но и за то, что не делаем». В египетском прошлом Василия, а точнее, царя Хор-Аха, ждала «Исповедь отрицания», с которой он предстанет после смерти перед неподкупным судом очень строгих богов. И он смело скажет своим судьям:

– Я не совершал несправедливости против людей.

Я не притеснял ближних.

Я не лгал людям.

Я не действовал в злобе.

Я не творил лжи в Месте Истины.

Я не грабил бедных.

Я не делал того, что неуютно богам.

Я не отравлял.

Я не убивал.

Я не приказывал убивать.

Я не подстрекал слугу против его хозяина.

Я не был причиной страданий и не творил несчастья.

Я не осквернял хлеба богов и не совершал блуда.

Я не мужеложествовал.

Я не сделал зла никому...

И ещё очень многое из того, что он не сделал, произнесёт Хор-Аха в своём покаянии, прежде чем сказать знаменательные слова:

– Я чист, я чист, я чист, я чист...

Василий не боялся предстать и перед другим судом – Православной Троицы. Но только в том случае, если найдёт убийц Серёги.

¹⁶ Отряд мобильный особого назначения.

А Бэтман? Боится ли он ответственности на Высшем Суде? Он, «Незримый» для Василия, и, несомненно, «Сокровенный» для тех, кому служит? Поразительно, как Бэтману подходили эти эпитеты! А ведь они – две сущности бога Амона¹⁷

¹⁷ «Сокровенный», или «Незримый» (с египетского).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.